

ВАДИМ ВЯТСОН

НЭЙ

ДЕМОНЫ НАШИХ ДУШ

16+

Вадим Вятсон

Нэй. Демоны наших душ

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вятсон В. А.

Нэй. Демоны наших душ / В. А. Вятсон — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-05099-0

Мы те, какими нас делают демоны наших душ. Как повернется судьба, какую дорогу мы выбираем? Все зависит от нас или от людей, которые нас окружают? Нэй Вейн - мальчишка вор, карманник - получил шанс изменить свою жизнь. Изменить себя и изменить свое будущее. Получится ли у него? Знают только демоны наших душ...Это Первая книга из цикла "Нэй".

ISBN 978-5-532-05099-0

© Вятсон В. А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

1. Дорога на Сирту	5
2. Обещание	15
3. Аркет	26
4. «Рыбное дело»	31
5. Дорога в Небо	39
6. Демоны прошлого	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вадим Вятсон

Нэй. Демоны наших душ

1. Дорога на Сирту

*1423 год от Пришествия Скирии
27 Августа (иль)
Аркет. Дворец Правосудия*

Небольшая камера, похожая на куб. Без дверей и окон. Лишь под потолком, в одном из его углов, тускло светит единственный фонарь-фаер, и в центре – отверстие – люк, в данный момент закрытый плотной крышкой.

В камере один человек. Парень. Мальчишка лет четырнадцати, сейчас лежащий на подстилке из соломы и тупо смотрящий в темноту на почти не видимый с его положения потолок.

Немного болит левый бок и в ухе правом до сих пор звенит. Волчары особо не церемонились. По лицу-то со злости врезали, а вот ниже шеи свои удары отработали по полной.

Ну да ладно. Все это заживет. Вот выкупит его Ночная гильдия, и можно вздохнуть спокойно. Конечно, выкуп отработывать придется, но ведь он всегда на хорошем счету был. И получалось у него неплохо...

Чего тогда он здесь делает, если все хорошо было? В камере три на три?

Что поделать. У любого бывают ошибки. Ну, позарился он на кошель, не подумал, не просчитал. А тут волчары навалились. Да и хозяин кошель оказался каким-то уже больно истеричным. Никогда не видел, чтобы мужчина так кричал. Вот из-за него он и угодил в эту камеру. Не будь этого крика – волчарам и предъявить-то ему было бы нечего. Он ведь успел от кошель избавиться. Как пришло, так и ушло. Впрочем, место, куда он его скинул, вряд ли проверять будут. А это дает шанс сразу с долгом за выкуп расплатиться. Кошель ведь тяжелым был, богатым. Как вообще люди с такими деньгами на улицу выходят? Или не боятся ничего, или просто не жалко им.

В общем, ночь потерпеть можно. А завтра ночники его выкупят – и он забудет эту камеру как страшный сон...

С этими мыслями и заснул, а проснулся от скрежета открываемого люка.

Ну вот, он же говорил...

Люк открылся, и в камеру спустилась деревянная лестница.

– Давай на выход! Заждались тебя уже! – послышалось сверху.

Сон как рукой сняло. Парень вскочил – и быстро к лестнице, и наверх.

Правда, наверху что-то странное стало происходить. Он неплохо запомнил, где вход – он же выход – находился. Но его повели не туда, не в комнату для выкупленных ночниками (она как раз перед выходом и находилась), а в совершенно другую сторону. И еще, кроме всего прочего, нацепили на его руки и ноги довольно увесистые наручники и кандалы, двигаться в которых было практически невозможно.

Он продолжал надеяться на выкуп до последнего момента. Но – нет. Его прямо-таки втянули (слишком медленно шел – ну да, с таким-то грузом на теле) – в большое помещение, под возглас: «Следующий!». Засунули в узкую клетку, в которой даже присесть было некуда. И только после этого он понял, где оказался...

В суде!

В помещении, освещаемом солнечным светом из больших, высоких окон, имеющих тяжелые, но сейчас открытые ставни, находилось всего несколько человек.

Парнишка в клетке. Охранник рядом и двое за судейским столом. Один в мантии судьи о чем-то тихо разговаривал с богато одетым мужчиной, сиреневый камзол которого так и сверкал золотой окантовкой, и который чуть ли не возлежал на столе, чтобы слышать и быть услышанным. Судья явно понимал и соглашался с говорившим.

Наконец разговор их был закончен. Богатый мужчина сел за небольшой столик, рядом с судейским возвышением. И как бы невзначай шляпу свою странную с очень широкими полями потерял, то ли примял, то ли разгладил. Мальчишку очень этот момент зацепил, ему даже показалось, что он уже где-то видел эту шляпу.

Но судья не дал времени на раздумья.

Тут вообще все двигалось очень быстро...

Председательствующий как-то очень безжалостно взглянул на парнишку и повернулся к еще одному человеку, присутствующему здесь, который тут же встал и сообщил:

– Слушается дело Нэя, вора, состоящего в соте дядюшки Отоя, пойманного с поличным вчерашним днем, двадцать шестого августа (иль).

Судья-председательствующий на это заявление секретаря сморкнулся, сморщился, посмотрел еще раз на Нэя (теперь уже брезгливо) и почти без раздумий проговорил:

– Нэй, вор, состоящий в соте дядюшки Отоя, приговаривается к пожизненной каторге в каменоломнях Сирты. Наш город и наши уважаемые граждане не должны страдать от таких вот мерзких тварей, – при этом его лицо еще больше сморщилось, и он продолжил: – Приговор окончательный и обжалованию не подлежит! – и молоточек в его руке звонко ударил по подставке, ознаменовывая тем самым окончание процедуры приговора.

– Следующий! – проговорил объявляющий присутствие секретарь.

И все?

Нэй как истукан застыл в клетке, и охранник вытаскивал его, как какую-то деревяшку. Чуть ли не под мышку взял...

Но этого не может быть! Ночная гильдия должна была его выкупить! Что он не так сделал? За свои четырнадцать лет он ни разу – ни словом, ни делом – не дал повода в себе усомниться. Он всегда следовал писаным и неписаным правилам Ночной гильдии Аркета. За что его так?

Нэю захотелось расплакаться, но слезы совершенно не хотели течь из глаз. А они чем-то могли помочь, эти слезы? Нет, конечно.

И что вообще способно ему помочь в этой ситуации? Ничего! Он слишком мал, чтобы что-то решать и что-то обещать, кому бы то ни было. А значит...

Значит, впереди его ждали каменоломни Сирты!

Ка-ме-но-лом-ни Сир-ты? Каждый слог, как молотом по наковальне...

О нет!

Нэй неожиданно обмяк в руках охранника. Тот сразу же оценил его состояние, поднял за шкуру на уровень своего лица, покачал головой:

– Ну, этот хоть не обделался. Что-то судья Фарк сегодня слишком строг. Третьего в каменоломни отправляет, а этот вообще мальчишка еще, – вздохнул. Ему-то что, его дело маленькое, главное, чтобы никто не сбежал из-под его опеки.

Впрочем, из здания Суда города Аркета убежать практически нереально – все здесь магией охранной пропитано, да и стража достойная и злая. От такой лучше не убегать! Да и после приговоров даже отъявленные рецидивисты еле ноги волокут – куда уж тут до побега. А этого парнишку жалко. Во, как его проняло, даже двигаться не может. И за что его так? Ходка-то первая. В первый раз – и сразу к пожизненному заключению? Никогда о таком не слышал. А тут... Видимо, кто-то очень серьезный обиделся. М-да. Не повезло парню...

Вот и дверь. Последняя для парнишки. После нее он уже никогда не вернется обратно... Его дело маленькое! Привел на суд, увел с суда после приговора. Все! Ничего он сделать не может. Да и нужно ли? Если каждого жалеть, то никаких сил не хватит...

Все. Принимай очередного смертника, Драг. С каменоломен Сирты не возвращаются, вот поэтому и смертники они.

А он...

А он сегодня в очередной раз напьется. Вот только еще двоих к судье Фарку ответит – и все. Отслужит он свое на сегодня...

Работа у него такая...

* * *

Утро следующего дня

Контора старшего смотрителя тюрьмы Дома Правосудия Аркета

– Стоп, Драг! Это еще что такое? – капитан внутреннего конвоя Марн Бер остановился перед двумя тюремщиками, держащими носилки с каким-то мальчишкой на них, не дав тем идти дальше. – Какого демона! – и замахал руками. – Я не возьму этого доходягу на этап! Зачем мне лишняя головная боль? Повернулись и пошли обратно! Давайте! Давайте отсюда!

– Бер!

– Да иди ты, Драг, куда подальше! Этот мальчишка помрет у меня в дороге, и что я с ним буду делать?

– Как будто это впервые, Марн! – старший тюремщик Вин Драг собирался быть непреклонным и был намерен отправить этого мальчишку именно с этапом Бера.

– Нет! И вообще, может, у него зараза какая?

– Это тюремная горячка.

– Чего? Ты издеваешься, да? – Бер увидел, как Драг покачал головой. – Вот же демоны! – замахал руками на носильщиков. – Разворачивайтесь! Все! Разговор окончен!

– Его нужно забрать и увезти из города! – Драг сделал ударение на слове «нужно», чуть ли не сквозь зубы и очень жестко произнес это слово...

– Нужно? – проговорил Бер и неожиданно замер. Посмотрел на носилки, потом на Драга, и стало видно, как его брови удивленно приподнимаются. – Это, случаем, не тот парень, о котором все говорят?

– Именно тот самый.

– О-о-о! – Бер даже не заметил, как сошел с пути носильщиков, открывая тем путь. Подошел к канцелярской стойке, за которой стоял Драг. – Хм... Странно. А почему его ночники не выкупили?

Драг уставился на Бера:

– Ты у меня спрашиваешь? Мне эта ситуация нравится не больше, чем тебе, но и знаю я не больше твоего.

Драг рукой полез куда-то вниз и через несколько секунд вытащил на столешницу большой, туго набитый кошель. Развязал тесемки...

И, высыпав на стол содержимое кошеля, принялся быстро отсчитывать нужное количество денег. Вин Драг знал привычку своего друга Бера, предпочитающего в служебных поездках только одиночные дукаты. Хоть и занимали больше места, но зато расплачиваться ими было намного проще. Поэтому и минуты не прошло, как дукаты были собраны в три стопки по восемь монет в каждой.

– Двадцать четыре, авансовые.

– Двадцать шесть, Вин. Двадцать шесть. Два дуката сверху положи...

– Марн!

Бер усмехнулся:

– Мы и в самом деле не знаем, что там произошло и почему это произошло. Ну, так, слухи. И нам не нужны их проблемы! – он поднял палец вверх. – Но и нам проблемы не нужны. К тому же сам знаешь, как мне нужны деньги. А это повод стрясти с тебя немножко больше, чем возможно, – улыбнулся.

Было видно, как на скулах Драга заиграли желваки, а его глаза... Нет, пересмотреть Бера было невозможно, как и спорить с ним. И глаза Драга, сверкнув в свете фаеров, вновь затуманились безразличием.

– Хорошо! – проговорил Драг и доложил еще два дуката сверху, но вдруг неожиданно прикрыл эту кучку своей огромной ладонью. – Если парень умрет, ты ведь можешь заработать еще и на продаже его тела. Двадцать пять... – попытаться стоило. Деньги хоть и казенные, но все же.

– Тут главное слово – *если* умрет, – Бер медленно убрал руку Драга с денег и своей не менее огромной ладонью сгреб все двадцать шесть дукатов уже в свой кошелек. – А если *не* умрет? К тому же договариваться с посредниками – та еще радость. А ехать в Некрон хуже самоубийства, особенно после того случая, – и остановился. – Хм... Может, с тебя еще пару монет стрясти?

– Бер!

– Шутка, Вир, – усмехнулся тот.

Было заметно, как Вир Драг облегченно вздохнул. Тут же обмакнул перо в чернилах и что-то размашисто написал на листе бумаги, промокнул промокашкой и протянул Бери:

– Держи. Путевой лист.

Бер взял листок в руки, прочитал, удовлетворенно хмыкнул, сложил вчетверо и засунул за пазуху. Протянул руку и крепко пожал протянутую в ответ Драгом:

– Поехал, – отошел от стойки, но вдруг остановился и обернулся. – Да. Не забудь! Через натиру! Ты – приглашен! Не заблудись среди своих камер, – усмехнулся и вышел из конторы...

А Драг облегченно вздохнул. Его попросили, он сделал. Хотя обманывать друга все-таки нехорошо. Ладно, половину он пропьет, половину...

Не напиток бы только...

* * *

Поздний вечер, даже ночь следующего дня

Постоялый двор «Четыре дома», трактир «Левый-Правый»

Кто назвал этот трактир «Левый-Правый», Бер не знал, как не знал и нынешний хозяин этого заведения – Смол Корс. Трактир ему достался за бесценок, так уж вышло, что хозяев прежних за что-то (ну, в принципе, понятно – за что) – загребли Чистильщики, ну и пустили это все хозяйство на продажу. Смол подсуетился, хотя до этого ничего не имел в «Четырех домах» – и прикупил эту собственность, обойдя в своем желании троих старых хозяев этого большого постоялого двора.

Впрочем, Чистильщики и не собирались продавать «Левый-Правый» хозяевам-совладельцам этого места. Было их четверо – пусть четверо и останется. Так что те повозмущались, но приняли нового владельца «Четырех домов». Ну не сжигать же новое-старое – ведь в одном месте живут, да и всем хватает и денег, и клиентов; можно сказать, хлебное место, хоть и с душком...

Почему с душком?

Потому что все здесь держалось не только на путешественниках и обозах, останавливающихся в этом месте, на этом перекрестке четырех дорог – но и на продаже и сделках с довольно специфическим товаром. Товаром странным, немного пугающим, но приносящим неплохой доход всем тем, кто с ним был связан.

Эх...

Ну что греха таить... Товаром были... трупы людей!

Здесь, в столовом зале трактира (всех четырех трактиров) и заключались сделки и договора на эти странные купли-продажи, и Бер всегда удивлялся, откуда столько тел, трупов (пытался узнать, но что-то его вовремя остановило, видимо – чувство самосохранения – хотя Бер был не из робкого десятка), которыми, как товаром, распоряжались торговцы и посредники.

А почему это происходило здесь, на этом месте, на этом перекрестке? Ответ был прост. На западе через Дирсу, в нескольких часах езды в обозе или в этапе, стоял Некрон, город некромантов, где в единственном месте Каракраса – Ликсии – человеческой половины этого континента – им разрешалось под неусыпным контролем Чистильщиков заниматься своими мертвыми экспериментами.

Поэтому здесь всегда можно было найти посредников и продать труп человека как товар и заработать свои пять или шесть полных дукатов...

Но не сегодня...

Бер был очень удивлен, когда столовый зал трактира встретил его почти что мертвой тишиной! Никого!

Когда он зашел, даже оторопел от неожиданности, от этой тишины. Даже подумал, туда ли он попал?

Но Смол был на месте, как всегда, за стойкой, но лицо его было печально.

Он и поведал капитану внутреннего конвоя, что здесь произошло.

Все дело было в Чистильщиках, а еще точнее – в посредниках, которые что-то, где-то и как-то не туда отправили. Некрон – понятно – вполне легальный город, но есть так называемые черные некроманты (куда еще чернее-то?), которым тоже нужны трупы людей для своих еще более черных экспериментов. Риск, конечно, огромный, но находились и находятся люди (живые), кто готов рискнуть. Иногда это проходит, а иногда...

В общем, Чистильщики устроили чистку в прямом смысле этого слова и своего предназначения. Перетрясли весь Некрон. В округе говорят: нашли пяток черняков, которых порубили в капусту своими серебряными мечами. Ну, и посредникам досталось так, что они уже пару дней и носу не кажут в «Четыре дома».

Трупы?

А что трупы? В ледниках лежат. Что с ними будет-то?

Рассказывать эту историю Смол закончил как раз в тот момент, когда в трактир вошла тройка Чистильщиков, или, как их еще прозывают, Черношлемников. Огляделись по сторонам, кивнули Беру, хотя никого из них он не знал, но знакомства имел (очень полезная штука), и уселись за срединный стол.

Тихо. Мирно. Без криков и суеты.

Но от них веяло такой силой и мощью, что не восхититься этим было просто невозможно...

Когда-то Бер сам хотел стать Чистильщиком – Черношлемником, или Меченосцем, по официальному названию Ордена – Ордена Меченосцев.

Но не сложилось. Их было и есть три друга – Марн Бер, Вин Драг и Фаргон ре Коста. Ровесники, косая сажень в плечах и сила у каждого неимоверная! И в девятнадцать лет решили они пойти в Чистильщики! Романтика! Черные доспехи, борьба со злом, уважение и почет!

И родители всех троих не против...

Но как уже сказано – не сложилось...

Когда пришли вступать в Офицерский Корпус, основу основ, элиту Ордена, то оказалось, что не все так просто. Тут еще в воссиянии, то есть, по-простому, в «силе крови» дело было.

Вот у ре Косты с этим оказалось все в порядке – дворянин как-никак! И его хоть завтра в Офицерский корпус!

У Бера была «сила крови» слабее, но ему тоже предложили начать службу в полевых когортах Ордена. Тоже черные доспехи и немного романтики, хотя эти боевые соединения в основном выполняли грязную работу. Но ведь кто-то это должен делать. Ну, а там, лет через десять, вполне возможно, его, как заслужившего поощрение, может быть, и перевели бы в Офицерский Корпус...

А по поводу Драга в Приемной комиссии только пожалы плечами. Никак не подходит. Даже в полевые когорты! Ну не вышел он «силой крови»!

Друзья попытались уговорить членов этой самой высокой комиссии, но те уперлись – Устав, Традиции, История. Заладили как заведенные...

И друзья посмотрели друг на друга, плечами пожалы, забрали все свои документы и, развернувшись, вышли из Орденского приемного центра.

Вышли и уткнулись носами в здание Военного Училища-Академии Внутреннего Конвоя.

Постояли, посмотрели и подумали – почесали свои здоровенные затылки и назло Чистильщикам в эту самую Академию и поступили! Пусть учились и пять лет, но зато какие это были годы! А главное, вместе!

Правда, все равно карьера у них разная оказалась, и все из-за этой самой «силы крови». Кто-то уже подполковник, а они все еще капитаны. Это в молодости как-то о карьере не думаешь, а с возрастом хочется большей стабильности и меньшего количества начальства над головой.

Так что о карьере Бер задумываться – задумывался. Вот лет восемь как очень задумываться начал, когда капитана получил. Что-то не дают ему майора. Давно уже не дают! А майор – это значительная прибавка к жалованию, и... к «силе крови». И дальше с карьерой побыстрее пойдет.

Ему, конечно, интересно в поле время проводить, в поездках и командировках, но и посидеть в кабинете тоже бы не отказался, за детьми пригляд был бы лучше.

Хотя не одной ведь карьерой счастье куется...

А он счастлив?

Почему-то именно в «Четырех домах» и именно в трактире «Левый-Правый» его посещали такие мысли. О жизни. И нигде больше. Видимо, близость смерти или еще что. Вот сегодня о счастье задумался...

Счастлив? Видимо, да. Работа нравится. Жена красавица, дети умницы. Денег, конечно, не так чтобы очень. На жалование особо не разгуляешься, но если подкопить...

Во-во. Подкопить еще немного – и будешь окончательно счастлив! Но камень с души – это точно!

Но сейчас его заботила мысль не только о счастье. Но...

Но и о парнишке, лежащем в его этапе...

Что самое интересное – он не умер. Выдержал эту дорогу!

Но вот Бер чувствовал, что до пересыльной Крезы, тюрьмы на севере Орсы, он уже не продержится. Этап – довольно большая повозка, и в нем могут расположиться и все двенадцать заключенных, но комфорта в нем почти никакого, кроме полулежанок, на которых будущие каторжники могут сидеть или спать – на свое усмотрение.

Бер не стал укладывать парня на такую вот лежанку, а оставил носилки в проходе, между местами заключенных, но и это мало способствовало нормальному для парнишки путеше-

ствию. Этап всегда порядочно трясло, даже на хороших дорогах, а что говорить о проселочных или распутице.

Сейчас как раз дожди начинались, все-таки осень приближалась, август закончился, и переходная нагира в права вступала с холодком и дождями, и дороги начинало крутить. Этап дергало, а вместе с ним и тело еще живого мальчишки. Ага, еще привязать предложите...

Но раз парень выжил до «Четырех домов», то стоило озаботиться и тем, чтобы он дожил и до Крезы. Как?

Вот этот вопрос и занимал Бера весь поздний ужин за кружкой слабоградусной сирки, напитка приятного, не сильно бьющего в голову и при этом неплохо разбавляющего пищу. Если честно, еда у Смола была так себе, то есть могла быть и лучше.

Решение пришло уже в конце трапезы, когда Бер почувствовал, что первый час ночи дает о себе знать, а значит, нужно позаботиться о сне насущном.

Точно!

Сон! Вот решение!

Конечно, сон необычный и не совсем законный. Ну, потому что травку, которую сон-травой называют, так просто не найти, и за ее хранение можно хорошо получить по рукам. Но!

Но при этом, к кому не обратиться – у всех она есть! Ну, конечно, если знать, к кому обращаться.

Но Бери обращаться было ни к кому не нужно. У него эта трава и так была в наличии. Ну не прямо здесь, а в специальном, тайном отделении, в полу этапа. В этот раз он взялся перевезти некоторое количество этой сонки из пункта А в пункт Б – так делали все, и он был не исключение, – и это давало неплохой приработок. Ну, и себе можно было немного взять, хотя Бер и не употреблял эту дрянь. Но вот сейчас для дела он решил этим правом перевозчика воспользоваться.

Что касается закона, то Бер знал, как и многие, что Чистильщики знали о таком промысле Внутреннего Конвоя. Но, как говорится, рука руку моет. Они закрывали глаза на эти дела, конвой закрывал глаза на некоторые шалости Чистильщиков. Ну, как бы это не их дела, или не при делах. Поэтому Бер мог не опасаться, главное, не попасться с этим делом с поличным...

Что касается тюрьмы Крезы, то тут Бер надеялся, что договорится с ее зартаном. Друг все-таки. Не один литр первухи, этой гномьей вытяжки из демон знает чего они выпили на двоих, и на троих тоже, если Драга вспомнить!

Нужны ему деньги, ну вот позарез нужны! А живой парнишка стоит дороже. Ну не убивать же его, в самом деле, да и кому продать? Смолу, что ли? Да и Чистильщики здесь, не поймут...

Все, решено...

Бер одним залпом осушил кружку с остатками сирки, встал, оставил деньги на столе и двинулся к выходу...

Скирия не выдаст. Свинья не съест...

Ну, а зартан поймет...

* * *

Поздний вечер следующего дня

Кабинет зартана (начальник) тюрьмы Креза – подполковника Фаргона ре Косты

Бер сидел в одиночестве уже минут пятнадцать. Сидел на краешке стула, ерзать не ерзал, но ожидание начинало беспокоить...

Он приехал в тюрьму минут тридцать назад. Доложился зартану тюрьмы и своему другу о прибытии, отдал указания своей команде и отправился в кабинет Фаргона. Так было всегда, и всегда ре Коста появлялся почти вслед за Бером...

Но сегодня ожидание чуть затянулось. Это было терпимо, но неприятно. Проблемы? Хм... Но только он мог их привести...

Бер неожиданно вздрогнул от боя огромных механических часов, установленных в кабинете, которые пробили десять вечера. И именно в этот момент дверь распахнулась и на пороге появился хозяин кабинета – зартан тюрьмы Креза – Фаргон ре Коста.

Появился бесшумно. Несмотря на свои габариты и огромный рост – все семь футов и два дюйма, и как он сам любил добавлять: «с небольшой мелочью», – ре Коста передвигался очень мягко и быстро и устраивал топот только тогда, когда ему это было нужно.

Он вошел и с порога сразу выдал:

– Ну, Марн! Ты и учудил!

– Что? – удивленно, но в душе понимая суть фразы...

– А ты как будто не знаешь! – усмехнулся и плюхнулся в свое огромное кресло за столь же огромным столом. – Привез мне живой труп и думаешь, что ни при чем?

– Да я... – ну вот и проблема. М-да...

– Ну, хорошо, меня ты еще мог бы обмануть! И договориться со мной и, к тому же, слухами земля полнится, и я отчасти в курсе. Но их ведь обмануть нельзя! – воздел левую руку к потолку и потряс ею.

– Я всего лишь протер тело парня раствором сонки, – вот и попытка оправдания.

– Ну да. Всего-то! – Фаргон усмехнулся. – Когда Аргхартум сказал мне, что ты везешь смерть, я не удивился. Давно этого не было, но ведь все когда-то повторяется! – развел руками. – И тут приезжаешь ты, и что мы видим? Аргхартум мне все уши прошипел! Знаешь это не очень приятно, до сих пор в ушах его шипение стоит! Хорошо, что его подруга Шаршани быстро разобралась, что к чему, и я был избавлен от его шипящего ворчания, – его правая рука исчезла в столе, и через секунды на свет был извлечен ларец – сейф, небольшой, но Бер знал, что очень тяжелый. Личная касса зартана.

Еще какое-то время прошло, и на столе образовались четыре не совсем полных стопки дукатов. Не совсем, потому что четвертая стопка была неполной:

– Тридцать пять дукатов.

– Фар!

– Никаких торгов, Марн! Ты должен был привезти труп! – стукнул ладонью по столу. – Это звучит жестоко, но это жизнь! И за обман надо платить! Поэтому я плачу за семерых! – нагнулся над столом и пальцем принялся тыкать себе в ухо. – А в оправдание скажи его шипению в моих ушах! Или ему самому!

Тут дверь неожиданно без стука и без скрипа распахнулась, и на пороге появились две очень высокие, достающие до верхнего косяка двери, твари. Совершенно серые, можно сказать, блеклые, и на вид вызывающие оторопь и омерзение.

Ну, как тут удержаться? И Бер как бы ни пытался, его все же передернуло от их вида.

Легки на помине.

Харикаты – говорящие со смертью.

Всегда вместе. Всегда вдвоем. Он и Она. Странные, неприятные, удивительные и непонятные. Как и когда они появились у ре Косты, никто не знал, даже Бер, отчего казалось, что были они в тюрьме всегда.

А еще, несмотря на их мерзкий вид, про них постоянно забываешь. Вот Бер и забыл о них, как из головы вылетело. А если бы помнил, сделал бы, что сделал?

Совсем деньги разум замутили...

Одна из тварей, более худая, вошла в кабинет, или даже вбежала, такие огромные были у нее шаги. Легко остановилась у стола...

И голос, и звук, ими издаваемый, кажется, был способен разорвать голову. Хотелось бежать, прятаться, выть, но лишь бы не слышать этого шипения:

– Ош-ш-шнуш-ш-шмеш-ш-шр, Хош-ш-шаш-ш-шиш-ш-н! (Он умер, Хозяин.)

– Он умер, – задумчиво проговорил ре Коста, даже не моргнувший на этот голос. – Ну, это даже к лучшему. Спасибо, Аргхартум! Ты хорошо поработал сегодня, можешь отдохнуть.

Тварь как-то угловато поклонилась, повернулась и, казалось, собиралась уйти.

Но тут Бер даже не понял этого мгновения; лицо твари или морда вдруг оказалась в каких-то сантиметрах от его лица так, что капитан дернулся и больно стукнулся затылком о высокую спинку стула.

А тварь, щелкнув зубами, очень жуткими на вид, сделала что-то вроде улыбки и прошипела, вонзая каждый звук в голову Бера:

– Ош-ш-шбш-ш-шеш-ш-шаш-ш-шнш-ш-шиш-ш-шеш-ш-ш, – и исчезла, как и не было. (Обещание)

Бер вздрогнул, дернулся, как будто по его телу пробежали сотни муравьев, даже крючок воротничка сдернул, чтобы дышалось легче.

– Вот! – зартан стукнул по столу ладонью. – Страшно? Это тебе за обман! Он и тебя достал!

– Зараза, – в сердцах проговорил Бер, вытирая пот со лба.

– Кстати, Марн, сколько тебе еще осталось собрать?

Вопрос со стороны странный, но Бер прекрасно знал, о чем он, и ответил:

– Сорок семь дукатов, без этой поездки. А если Фор отдаст долг, то сорок два.

– Думаешь, отдаст?

– Я был очень убедителен. Хотя Фор – это Фор, тот еще скряга...

Ре Коста понимающе кивнул, рукой полез в ларец, и на кучку денег, в которую превратились стопки от всех ударов его огромной ладони по столу, посыпались еще дукаты.

Бер насчитал двенадцать. К чему бы это?

– Как ты слышал, парнишка умер. Ты добился своего, он умер на моей территории, – протянул ладонь в сторону Бера, прерывая его попытку что-то сказать. – Не перебивай! И хоть это был и обман с твоей стороны, я тоже в каком-то смысле в ответе за него. За его последний путь. Поэтому я заплачу тебе двенад... – тут неожиданно из ладони зартана выпала еще одна монетка и звонко упала на остальные деньги. Ре Коста сморщился, шмыгнув носом, усмехнулся и продолжил: – Я заплачу тебе тринадцать дукатов, если ты отвезешь его тело, – и после небольшой паузы, – и еще троих ушедших на Северный огненный погост...

Бер хотел было что-то сказать, но его брови вдруг полезли вверх от удивления, и он сказал совсем другое:

– Подожди! У тебя мертвяки? – и мотнул головой.

– Ну, я же тебе говорил, что все когда-нибудь повторяется. У тебя, у меня.

– Да. И как-то все в один день...

– Ну да, – взгляд Ре Косты, как и Бера, мельком устремился на установленный в кабинете, в левом углу от входа, четверной крест, а рука правая сама совершила крестное знамение, – вчера прибыли новички из Мальвинора. Бойкие на вид, но глупые в душе. И решили, что они тут самые крутые. Местные старожилы с этим, конечно же, не согласились. Ну, в общем, слово за слово. Буча началась. Пока мои парни просыпались, будили меня, трое уже остывали, – развел руками. – Вот такие дела. И четыре трупа на погост.

– А как же твоя команда обеспечения? – Бер отказываться не собирался (хотя ехать на погост, на ночь, бр-р-р), но нужно было решить все вопросы.

– Им сейчас не до поездок. У Карга две натиры назад родилась дочь. Тебе это ничего не напоминает? А вчера были крестины, и я их всех и отпустил на Праздник. Кто ж знал, что вечером буча начнется. Так что, как я знаю, они не то что ехать, а встать из-за стола не могут! – улыбнулся, а в глазах сверкнули смешинки. – Впрочем, это и к лучшему. Некому будет шляться по городу и давать обещания, которые выполнить-то можно, но от глупостей не освобождает!

– И ты туда же!

– Я просто пытаюсь помочь другу.

– Хорошо, я отвезу тела, – и взглянул на часы. Уже почти половина одиннадцатого.

– Уже побежал, что ли? – зартан хмыкнул. – Не беспокойся, я уже дал команду. А пока там будут готовиться, нашу встречу стоит отметить! – и выдохнул в предвкушении.

И на столе появилось то, без чего еще ни разу не обходилась встреча Бера и Ре Косты – непочатая, фимтовая бутылка первухи, два граненых стакана и тарелка соленых огурцов.

Бер закрыл глаза, сосредотачиваясь. Он был одним из немногих, кто мог пить этот гномий самогон и оставаться в здравом уме и на твердых ногах. Именно на почве питья, этой огненной воды, они и сошлись – трое друзей – ре Коста, Бер и Драг – сначала в трактире «Солнечная пьянка», обладая силой невероятной; единственные, могли друг с другом совладать и остановить – а потом закрепили дружбу учебой в Военном училище Внутреннего конвоя Аркета, не забывая, конечно, выпивать, когда было можно. Ну, и драки, конечно, совместные, и гауптвахты. Но дисциплину дружба все-таки чтит и на вылет никогда не попадали...

Ну вот, можно сказать, и договорились. Конечно, ехать никуда не хотелось, но деньги есть деньги. Скорей бы это все закончилось, хоть отдохнет от глупостей своих...

– Давай за встречу! – отвлек его от мыслей голос Фаргона.

Бер взял стакан, выдохнул. Звонко чокнулись. Жидкость ушла в горло, обжигая его и сбивая дыхание. Тут же мгновенно за ней был разжеван огурец, охладивший тело, и рукав военной формы, в который носом уткнулся на несколько секунд...

О-о-о-ох!

Понеслось...

2. Обещание

Прошлое как оно есть...

Узкие улочки Аркета знавали всякие времена: и величие, и запустение. Многие великие люди, и не только, прошли по ним, а сколько простолюдинов! Так вообще не сосчитать.

Но сегодня, сейчас, они были во власти троих друзей. Трех товарищей и молодых офицеров Внутреннего конвоя, можно сказать, только-только вылупившихся из яиц образования и начинающих свой путь в этом прекраснейшем из миров. Утром состоялся выпуск, и два ромбика лейтенантов засияли на черных пеглицах новенькой формы.

Впрочем, не только это погнало радостных друзей по барам, трактирам, кабакам и тавернам города. Но и еще одно событие, может, даже более важное, чем какой-то там выпуск. Ведь что такое служба? Всего лишь возможность заработать деньги и подняться по карьерной лестнице...

А ведь жизнь вокруг так и бурлит...

И так случилось, что один из друзей – Марн Бер – умудрился жениться на последнем курсе на красивейшей из девчонок, с которыми встречались друзья. Ну вот, выбрала Ольна Марна, без обид, и никакой ревности друзья по этому поводу не испытывали. Все правильно, Бер был самым успешным курсантом, и лицом вышел, и статью, и силой, и учебой. И так все ладно вышло, что за пару недель до выпуска Ольна родила дочурку – красавицу Стану.

Вот как раз вчера были крестины девочки. Тянули соломинки, чтобы определить, кто будет крестным, и выпала честь Фаргону ре Косте, человеку не просто гигантских размеров, а исполинских. И при этом из всех троих он являлся истинным благородным дворянином, хотя и текла в нем не только человеческая, но и орочья кровь.

Но отметить крестины решили на следующий вечер после выпуска.

Сказано – сделано...

Начав около шести часов вечера, друзья прошли по десятку заведений знакомых кварталов, и к полуночи, того не зная, уже горланили песни на улицах незнакомых и темных. Впрочем, им было наплевать, что и где, и как они были. Им было радостно, пьяно, и они были счастливы...

Поэтому как они оказались лицом к лицу с небольшой группой ночников, занимающихся своим обычным делом – грабежом (хотя кто ж из нормальных людей попрется гулять ночью, здесь, чтобы его ограбили, да еще и нож в бок вставили), вспомнить друзья так и не смогли. Даже через много лет они так и не поняли, как не заметили их ночники. Их, горланящих песни на три басовитые глотки!

Но что произошло, то произошло...

Впрочем, все могло бы разрешиться мирно и тихо, без мордобоя и смертоубийства. Ох, если бы только среди встретившихся был бы хоть один здравомыслящий или, на крайний случай, оказался бы рядом ночной смотрящий. Это тоже осталось загадкой для друзей; их форма могла принести кучу неприятностей, но именно ночникам, а не молодым офицерам. Поэтому за ними нужен был глаз да глаз, но...

Минуту на месте встречи стояла немая сцена. Все смотрели друг на друга, хоть и было темно, но глаза в темноте светились. Пока над местом не пронеслась фраза, сказанная ре Костой:

– Ну и что вы тут делаете?

– Легавые! – закричал кто-то из ночников. И нет, чтобы разбежаться в разные стороны, а наоборот: все как сговорились, бросились на троих офицеров.

Но как бросились, так и разбежались. Нападение было единственным, а ответ защищающихся был жестоким.

Двое улеглись сразу, третьего откинуло куда-то в сторону, а четверо, очень быстро смекнув, с кем имеют дело, наконец-то бросились врассыпную...

И вот тут на Бера что-то накатило, и он принялся остервенело пинать уже мертвого бандита, крича что-то про жену и дочь. Пинал смачно и с оттягом, и друзьям пришлось применить всю свою силу, чтобы оттащить друга от уже превращенного в месиво тела.

Только тогда Бер успокоился и вдруг целенаправленно куда-то пошел. Ну да, взгляд его рассмотрел в ярдах пятидесяти свет фаера и вывеску под ним. Какая-то забегаловка.

Ну, самое время для друзей в очередной раз промочить горло.

Когда они ввалились в заведение, то эту сцену встречи нужно было видеть, так как описать все краски и лица сидящих за столами было ну совершенно невозможно...

Немая сцена от зависших в воздухе кружек с пивом и сиркой, удивленных глаз, открытых ртов и побледневших лиц. Единственный, кто не растерялся, точнее, единственные – это были друзья и Бер, кинувший дукат, и поймавший этот дукат улыбающийся во все свое сияющее лицо пухлый трактирщик – Хромой Лом, который на своем веку видел и не такие явления в своем трактире.

– Сирки на все! – и, не обращая внимания на лица и рожи сидящих, среди которых были даже давешние драчуны, все трое направились к единственному свободному столу. Понятно, что стол принадлежал отсутствующим завсегдатаям заведения, за который никто не смел садиться, но друзьям было безразлично это все, они хотели просто выпить.

Они еще напивались около часа, и в конце Бера снова понесло. Со временем он клялся, что просто услышал какой-то смех, в котором упоминались женщины, что-то мерзкое и неприятное по их поводу. Может, и так, но тогда он вскочил, чуть не сломав столешницу, и закричал:

– Вы все собаки! Все! – и затряс руками в сторону бандитов. – Если с моей жены или дочери упадет хоть один волос по вашей вине, я приду сюда и буду резать вас. Резать и рвать! – и сжал свои огромные кулаки.

На этот раз никто не бросился на друзей; они даже умудрились допить свою сирку и вышли очень мирно и тихо, но при этом Бера всего внутри трясло, он то и дело бил кулаком по стенам домов, мимо которых они проходили. И что-то постоянно кричал.

В общем, веселье как-то закончилось...

А оказавшись на какой-то площади, Бер неожиданно уселся на какой-то камень, и... расплакался! Точно плакал, он сам это помнил и друзья, но это был единственный раз, когда он вот так расплакался на глазах у своих товарищей.

А затем так же неожиданно вскочил, забрался на этот камень уже с ногами и так же неожиданно кулаком погрозил куда-то в небеса, уже озарившиеся рассветной дымкой:

– Не дождетесь! – и затряс рукой в направлении небес.

– Не дождетесь! – повторил еще раз, а затем, поворачиваясь вокруг, тряс рукой уже в сторону домов, расположенных на площади. – Я обещаю! Я обещаю! Что ни жена, ни дочь, ни все мои дети никогда и ни в чем не будут нуждаться. И если хоть одна сволочь тронет их хоть пальцем! – снова погрозил кулаком небесам.

Ре Коста уже собирался стащить друга с камня, но тот вырвался, остался на камне и продолжил:

– И еще! Я обещаю, что Стана станет самой богатой невестой, когда вырастет! Вот! Я дам пятьсот, – замотал головой, – нет, я дам тысячу! Тысячу дукатов приданого за нее! Вот! Слышали! И если хоть одна сволочь... – дальнейшее потонуло в ругательствах, так как Бер не удержался на камне, поскользнувшись на нем и приземлившись на него пятой точкой, но все же умудрился еще раз погрозить небу кулаком.

А небо вдруг гроыхнуло в ответ и даже молнией сверкнуло где-то вдаль; впрочем, друзья на это внимания не обратили, точнее, пробормотали что-то про дождь и ринулись прочь с площади, совершенно не думая и не замечая того, что на небе не было ни облачка.

Впрочем, история на этом не завершилась. Точнее, для друзей она закончилась вполне благополучно, вполне ожидаемой утренней головной болью и вполне ожидаемыми мучительными воспоминаниями, типа: что же было вчера днем и уже после, ночью?

А вот сам их поход имел довольно интересное продолжение.

Через два дня начальника Военного училища Внутреннего конвоя Аркета, генерал-лейтенанта Норма фон Грота, посетила внушительная делегация Ночной гильдии города во главе с прекраснейшей и прелестнейшей леди Карвеной. Пришли извиниться за произошедшее с выпускниками и пообещали, что такого больше не повторится и что Ночная гильдия всегда относилась с уважением к столь достопамятному и авторитетному заведению, как Военное училище Внутреннего конвоя Аркета.

Ну, что тут скажешь! Удивительно, но правда!

И еще одно...

С тех пор, вот уже около двадцати лет, у выпускников Училища есть традиция: в ночь выпуска идти в самые златные места Аркета то ли в поисках приключений, то ли из любопытства.

Впрочем, один раз обжегшись, ночники больше ошибок не совершали, и приключения выпускников превращались чуть ли не в экскурсию. Так все было чинно и благородно, ну, почти, но при этом казалось, что так и должно быть...

А где все-то?

Приходите завтра и без формы, встречу обеспечим...

* * *

Северный огненный погост

Ночь

Бер открыл глаза, просыпаясь. Вздохнул.

Первуха сделала свое дело, и как только он добрался до этапа, то тут же завалился спать. Впрочем, выпитое сказалось на настроении зартана и друга, и тот еще добавил десять дукатов, правда, за что – Бер вспомнить уже не мог. Ну и, конечно, Фаргон обещал, что как крестный будет на свадьбе Станы. Как штык будет!

Это радовало. А вот выпитое с каждым разом становилось все тяжелее и тяжелее. Ну, вроде, не старик, а пить, как раньше, уже не может. Думал, вообще не дойдет до этапа. Но дошел! С трудом, но сам дошел! Вот! Завалился в кучерскую кабину и тут же заснул.

И сразу сон навалился...

Да, сон. Куда уж без него...

Этот сон снился ему почти постоянно вот уже несколько лет. Причем каждый раз он высматривал в этом сне все новые и новые подробности. Вот, например, уже несколько раз он слышал гром, и если друзья во сне на него внимания не обращали, то Бер, как сторонний наблюдатель – вот именно так сон ему и снился – со стороны, – и слышал гром, и видел молнию, и понимал, что на небе ни облачка.

Знак?

Без сомнения!

Родной, любимый мир весь был соткан из знаков, предопределений, проклятий и случайностей, которые всегда и всюду вели к определенной цели. Или к исполнению обещания.

Бер знал о своем обещании. Точнее, он вспомнил о нем совсем недавно, можно сказать, случайно и ужаснулся тогда тому, что наобещал.

И снова не туда его мысли ушли. Он ведь и в самом деле сдержал слово в том ключе, что ни жена, ни дочь, ни двое сыновей после ни в чем никогда не нуждались. Но о второй части, о приданом, он, мягко говоря, подзабыл. Ну, помнил, да, но старался не вспоминать.

А тут нагрянули знаки и намеки разные, сон этот, например, об их приключении на зланных улицах Аркета, причем вначале какой-то расплывчатый, но с каждым разом все более реальный. И даже что-то вроде руки с небес, грозящей ему. А дочке уже тринадцать лет, ну, когда сон первый раз приснился, и время уже о приданом думать!

Мог ли он нарушить обещание? Да, конечно! На каждом углу он сталкивался с тем, как люди нарушали свои обеты и договоренности и как их за это наказывали то ли небеса, то ли те, кому они обещали, но не сдержали свое слово.

Конечно, мог. Дать за дочку сто, ну, на крайний случай, двести дукатов, что считалось в его среде просто отличным приданым, и забыть о том, что обещал.

Но ведь сон на то и сон, чтобы не дать забыть.

Он ведь нашел ту площадь и нашел тот камень, вроде бы Аркет родной город, а здесь как чужой был, в этом районе. Конечно, он днем пришел сюда и понял, что если он и хочет нарушить обещание, то ему стоит постараться. Так как камень, на котором он давал свое обещание, оказался не совсем обычным. Его так и называли, камнем Обещаний. Имел он сильную магическую составляющую. И на нем люди часто заключали и подписывали договоры, ну, чтобы раз и наверняка все было! Когда он это понял, то осознал, что вляпался по полной! И обещание о приданом стоит выполнить сполна!

Поэтому и глупостей насвершал массу, пока эту тысячу собирал. Но, видимо, небеса над ним сжалились, потому что он, несмотря ни на что, успевал! Успевал собрать эту прокля... нет, зачем ругаться в столь величественный момент? Эту долгожданную тысячу дукатов! Да и жених вроде был неплохим парнем из своих, из Внутреннего конвоя, только-только училище закончил.

Можно улыбнуться. Таким ведь точно был, когда на Ольне женился. Правда, за нее приданого...

– Марн, приехали... – проговорил Лон Дик, его товарищ и друг по команде этапа, на этот раз управляющий четверкой хриков.

Хм...

Приехали так приехали...

Бер присел, приосанился, замотал головой, отгоняя сонливость. Еще бы подремать, а лучше поспать по-настоящему и в теплой кровати, а не в кучерской кабине. Но как бы ни хотелось, все же следовало вылезти на улицу.

Холодно не было, лето, можно сказать, еще не закончилось, а осень и не начиналась – на дворе переходная Ильса. Время еще теплое, бабье, можно сказать, но ночью уже как-то резко холод забирать начинал.

И чтобы зря холод не гонять, Бер просто вывалился наружу, быстро за собой закрыв дверь.

А еще выпитое внутри булькает...

Бр-р-р...

Вот и ворота погоста. Он подошел и усиленно принялся бить в них кулаком.

– Кого это на ночь глядя принесло!? – послышалось ворчание из-за ворот, открылся глазок. – Не понял. Этап? Из Аркета? – но ворота так и не открылись. – А вы чего здесь забыли? Заблудились?

– Открывай! – Бер поежился, становилось не просто прохладно, а холодно. – У нас приказ от зартана тюрьмы Креза!

Ворота все так же оставались закрытыми, но открылась калитка, и в ее проеме появился старик с фонарем-фаером в руке:

– И что ему нужно?

– Я привез груз, его нужно забрать. Понятно?

– Понятно, понятно. Но, у него вроде свои люди есть, – сказал старик, забирая бумаги из рук Бера. – Четыре? Хм... Давненько у него смертей не было, – еще раз осветил фонарем Бера. – Капитан Марн Бер? – Бер мотнул головой, ну а кто же еще? – Мастер Фред Астин, хозяин Северного, – они пожали руки. – Останетесь или назад повернете после приема?

– Мы бы остались. Куда на ночь-то ехать?

– Тоже верно. Сейчас своим парням свистну, этап загонят и груз примут. А вы в казарме бывшей расположитесь.

– Крышу починили?

– О! Бывал здесь?

– Давно, но уже забыл, когда.

Старик усмехнулся:

– Нет. Нам места хватает, а покойникам без разницы, где лежать. Но печку там переложили, когда крематорий ремонтировали, так что тепла вам хватит. Конечно, если дождь не пойдет, – посмотрел на звездное небо, – но вроде не должен, да и поясница моя не болит, – и привычно так крикнул в полутьму погоста: – Кан! Сирн! Вставайте! Работка прибыла!

Но ошибся хозяин погоста.

Ночью случилась самая настоящая гроза, с ливнем и молниями в полную силу...

* * *

Историческое отступление

Северный (Орский) Огненный погост

Огненные погосты возникли в период между Первой и Второй войнами людей против эльфов.

Так вышло исторически, но люди всегда находились во власти эльфов, были в их праве, подчинялись их законам.

Но при этом всегда пытались вырваться из цепей этого рабства, что и приводило к войнам. Сначала это были просто восстания, которые жестоко подавлялись эльфами, но постепенно самосознание людей поднимало их на более высокие ступени развития, что и приводило к еще более сильному сопротивлению и к еще более жестоким войнам.

Таковыми войнами и стали Первая, и Вторая, а после и Последняя.

Но это историческое отступление все-таки не о войнах (и о них будет сказано, но не сейчас и не на этих страницах), а о попытках людей защитить то немногое, что эльфы не могли отобрать.

Точнее, люди надеялись, что хоть после смерти власть бессмертных перестанет ими править.

Поэтому обряды прощания были недолгими, три дня, а похороны старались не затягивать, надеясь, что земля освободит тело и душу человека от жизненного рабства, даже если официально рабом он никогда не был.

Впрочем, еще до Первой войны стали проявляться различия в традициях людей, живущих от линии Пяти башен. Так возникла Западная и Восточная традиции прощания. Ну а после Последней войны произошло окончательное разделение человеческого общества на две части – Западную и Восточную, где не только традиции прощания стали различными, но и сам образ жизни.

К чему это я говорю? К тому, чтобы читатель понимал, что Огненные погосты стали неотъемлемой частью именно Восточной человеческой цивилизации.

Именно Восток проявлял основное сопротивление эльфам, пытаясь постоянно освободиться от их гнета. Именно с Востока начинались все войны и именно на Востоке они заканчивались поражением людей.

Но пусть читатель простит мне мои мысли. В этом мире нет ничего, что было бы не связано с эльфами. Поэтому мысли и скатываются постоянно к этому противостоянию.

Но мы и в самом деле отвлеклись...

Первая война оказалась масштабной, жестокой и безжалостной. И люди, и эльфы не щадили врагов своих, не брали пленных. И множество городов было сожжено, как было сожжено и немало святых Рош эльфийских домов.

Но эльфы победили, как побеждали всегда до этого. И именно во время Первой войны возникла у них жестокая забава: издеваться над смертью или, как они это называли, – «Смертельная радость».

А местом действия стали людские кладбища...

Они вонзали в кладбищенскую землю огромные плуги и заставляли людей впрягаться в эти плуги, тем самым перерывая, оскверняя кладбища. Или поднимали мертвых из гробов; у эльфов была сильная школа некромантии, что было еще страшнее. Не потому, что люди боялись мертвых, нет. А потому, что даже после смерти, оказывается, нет и не будет покоя! Смерть не освободит, потому что даже в ней эльфы найдут рабов для своих забав.

А забавы были жестоки. Танцы, всевозможные издевательства над трупами, когда мертвые отрезали себе руки и ноги, головы. Даже свадьбы. И казни руками мертвецов.

Как описывают хроники зрелище – это было не для слабонервных.

М-да...

И, видя это, люди решили найти способ защититься хотя бы в смерти от эльфийских забав...

И этой защитой и стали Огненные погосты, а по-простому, крематории, в печах которых люди стали сжигать своих усопших...

В хрониках нет точной даты появления первых Огненных погостов. По легенде, мертвых поначалу вообще сжигали в домашних печах!

Это сложно представить, но вполне могло быть. Вот только ни одна летопись или хроника не содержит подтверждение этого факта, поэтому пусть это остается легендой.

Огненные погосты стали возникать на земле оскверненных кладбищ. Люди поначалу еще пытались их восстанавливать, но понимание, что эльфы придут и снова начнется кошмар, осталось.

Как эльфы отнеслись к Огненным погостам? Самое удивительное, что вполне лояльно. То ли забавы с мертвецами надоели, то ли удаленность восточных земель от основных эльфийских домов этому способствовала. Но, как бы то ни было, уже ко Второй войне Восток хоронил своих умерших в огне.

Были, конечно, и проблемы.

Основная – это нехватка дров для сожжения тел усопших. Разрешив Огненные погосты, эльфы, так любившие пустить кровь человеку, тряслись над каждым кустиком и деревцем и с большим трудом выдавали разрешение на вырубку леса. От чего день похорон мог быть отложен. Но по прощальной традиции тело умершего не могло находиться в доме более трех

дней. За эти дни с ним прощались все родственники, его отпевали священники еще языческого обряда, омывали, оплакивали. И на четвертый день тело выносилось из дома в обязательном порядке, чтобы душа не могла остаться в доме. И хоронилось или сжигалось.

Внимательный читатель спросит, а на что тогда гробы, ведь это дерево, а значит, и топливо для печи? Хороший и довольно простой вопрос. А вот ответ на него не прост.

Дело в том, что порой, можно сказать, даже часто усопшего хоронили, просто завернув в грубую толстую ткань. Даже не саван, а именно в ткань, ее так и называли похоронной. Потому что гробы никогда не делались заранее, по причине отсутствия материала, то есть дерева для них. Как было сказано выше, эльфы разрешения выдавали через силу, как на гробы, так и на топливо для печей. Но все-таки выдавали.

И порой получалось так, что в какой-то день похорон дров было достаточно, а в какой-то или несколько дней было совсем ничего.

Выход был найден довольно быстро – люди пришли к мысли, что следует назначить единый день похорон, которым очень быстро стал первый день натиры – Анзер, или впоследствии Понедельник.

Но была еще причина, по которой был выбран единый день. Как можно понять, что дерево при всем своем отличном эффекте горения не могло создать нужную для сжигания человеческого тела температуру? Поэтому и доски (за несколько дней до дня сожжения, чтобы пропитались) и тела (в день сожжения) обмазывали специальной горючей смолой, которая и способствовала полному сожжению тела. Эльфы к этой смоле отнеслись с большим подозрением и разрешали ее пользоваться, но только на Огненных погостах. Вне их любое ее количество, без специального и очень бюрократического разрешения, выдаваемого только служащим Погостов, означало смертную казнь для любого пойманного со смолой человека.

Вот в Понедельник – Анзер и зажигались печи, и с обрядом очищения сжигались все тела, которые к этому времени оказывались на данном Огненном погосте. Или не зажигались по причине отсутствия таковых.

И эта традиция, Единый День, не прервалась, даже когда на просторах Мальвинской равнины были обнаружены большие запасы каменного угля и надобность в дереве отпала (человеческие тела при этом продолжали обмазывать смолой, которая стала неотъемлемой частью похорон).

Не прервалась традиция Огненных погостов и с пришествием Скирии в этот мир, и обретении людьми веры в единого Бога.

Казалось бы, языческий обряд, но он плавно перешел в скирианство, закрепился в нем, став краеугольным камнем новой веры.

Но были еще проблемы, можно сказать, чисто духовные.

Например, теологическая – основанная на традиции прощания, но столь глубокая и до сих пор живущая в спорах, что я боюсь упоминать ее здесь без боязни увязнуть в еще больших исторических и религиозных дебрях.

Или момент памяти по умершему человеку. Как прощаться теперь, когда огонь поглощает тело? Какая память останется и что останется в памяти об умершем человеке? Ведь больше нет могилы, куда можно прийти, помянуть усопшего. И пепел после огня един для всех!

И люди стали строить стены памяти, выложенные из кирпичей, на которых выбивалось имя умершего. Рядом с Огненными погостами, Церквями и Храмами. В Мальвиноре стена памяти – это вообще участок Второй стены, значение которой как защитной структуры уже давно кануло в Нирву.

Эльфы, конечно, разрушали эти стены памяти во время войн, но теперь это хоть и было памятью, но уже никак не касалось мертвых. И восстанавливалось все после разрушения достаточно быстро...

М-да...

Вот теперь, после объяснения, что такое Огненный погост, можно вернуться к рассказу об одном из этих сооружений.

А именно к рассказу о Северном Огненном погосте, называемом так в Орсе, но во всем остальном Восточном мире – Ликсии, прозываемым Орским.

И история эта довольно любопытна и пронизана мистикой, даже несмотря на то, что мир этот сам по себе состоит из магии и чудес.

Орса возникла поначалу как небольшое поселение к северо-западу от развалин величественного Реймса, города единственного, разрушенного Великим Катаклизмом до основания. Почему? Ученые, научники и изучатели говорят, что именно тут Великий Катаклизм выбросил всю свою оставшуюся энергию и закончился. Ну а священники объясняют все это тем, что Реймс был сосредоточием греха и разврата, единственным городом Востока, где наравне со Скирианством существовала и языческая вера.

В общем, Орса стала поселением Искателей, которые ринулись в развалины Реймса за сокровищами, артефактами и всем, чем можно было пожить. И уже позже, когда возникли каменоломни Сирты, Орса стала как бы пробкой бутылочного горлышка Сиртской долины, которая вся превратилась в одну сплошную аномалию, где даже магам было сложно понять и разобраться в происходящем (может, я и посвящу Сирте отдельную главу, но даже не знаю пока, с чего начать).

Ну и как город Востока, поселок тогда еще, Орса имела свой Огненный погост, странности которого до поры до времени были еще не заметны.

Поселок развивался, увеличивался в размерах, и со временем Орса превратилась не только в место, где собираются Искатели, но и в место, где сосредоточили свои достаточно большие силы несколько значимых и влиятельных организаций и орденов Каракраса. Хранители, Меченосцы или Чистильщики, Орден Клепты, Купеческие гильдии, а чуть позже здесь обосновались и различные Магические советы, и ордена...

Но я снова чуть отвлекся...

Первый Огненный погост Орсы находился на юге и был небольшим. Со временем городская территория обошла его вокруг, и вот тут и начались странности.

Запах, который раньше и не чувствовался, вдруг стал каким-то тошнотворным и ужасным! Но все бы ничего, если бы еще и не дым! Он вдруг заполнил собой весь город! Как-то неожиданно и вдруг. В понедельник зажгли печи, подготовили к похоронам несколько тел, а когда начали сжигать, то из высокой трубы в двадцать ярдов повалил густой черный дым и ушел он не вверх, а окутал собой не просто ближайшие районы, а весь, пусть и небольшой, но уже город!

Первый раз посчитали случайностью. Второй раз задумались. А когда это случилось в третий раз, схватились за голову.

Летописи гласят, что в Орсу прибыло столько магов и стихийников, что ни до, ни после, и нигде больше, никогда такого магического столпотворения не наблюдалось. Не только в Орсе, но даже в Мире Рошанском никогда не было и нет столько магов, как в тот год, когда всем миром решили понять загадку Орского Огненного погоста...

И нужно сказать, что загадку так и не разгадали. Сколько не бились, сколько не изучали, но в конце концов все списали на близость сиртской аномалии и развалин Реймса.

Ну, посудите сами. Огненный погост передвигали в пространстве, если быть точным, восемнадцать раз! Стихийниками была изучена вся местная роза ветров! И именно по их рекомендациям передвигался погост первую дюжину раз. Но, как только после временных печей воздвигались постоянные, как только погост освещался самыми высокими священническими чинами, все странным образом повторялось вновь!

Запах и черный густой дым, даже если сжигался всего один труп!

После стихийников за дело взялись научники – маги, которые занимались учеными вопросами, но с магической точки зрения (ну, на самом деле все ученые здесь – научники, а научники – ученые). Точнее и, конечно же, работали они в связке, но, когда стихийники опустили руки, научники вытащили на свет все свои теории и гипотезы.

Одна из них, например, основывалась на том, что Орса стоит на огромном магическом поле, которое притягивает к себе дым мертвых. Почему дым черный и почему он появляется не сразу, эта гипотеза, конечно же, не объясняла.

Или мертвым просто не нравится место, где их сжигают. Хм... Спросить бы некромантов... Но еще с противостояния и забав эльфов люди жутко не любили этих черных магов, и их среди столпотворения не было, но наблюдать они наблюдали.

Но и научники потерпели поражение в разгадывании этой загадки. И вопрос решили решить кардинально! Просто взяли и отнесли Огненный погост подальше на север!

Почему на север?

Ну, на западе стоял Некрон (некроманты, кстати, север и предложили), и соседство этого города и Огненного погоста, который должен был уничтожить так нужный его жителям товар, этими жителями не очень-то и приветствовался.

На востоке начиналась сиртская аномалия, что могло привести к еще более странным загадкам, и от которой у многих магов и так уже давно болела голова.

А на юге было довольно оживленно. Два дня пути – и вот он, прекрасный Аркет. Небольшой городок в тени Реймса до Великого Катаклизма и величественный, но немного грязный после уничтожения своего северного соседа.

Оставался только север.

Отнесли как можно дальше, но все равно уперлись в скалистое начало Правой Гряды. И вот тут удача всем улыбнулась!

Кругом были одни скалы, до Орсы часа три пути, и совершенно неожиданно было обнаружено отличное место для Огненного погоста!

Несколько пещер в этом скалистом основании!

И одна из них оказалась идеальна для мертвецкой или морга погоста!

С поверхности до нее ярдов шестьдесят под небольшим углом. Почти идеальное каменное плато десять на двадцать ярдов. Температура, что летом, что зимой, не поднималась выше минус 5° по Целестину. А внизу незамерзающая горная речка, пробившая под платом себе путь и текущая неизвестно откуда и неизвестно куда, воды которой стали, как Нирва, пристанищем последней памяти о мертвых. В нее банально стали сбрасывать пепел сожженных тел.

Впрочем, отличное место для мертвых было полностью непригодным для человека. И дело было не в температуре, а в шуме. Здесь постоянно, ежесекундно, всегда стоял жуткий, невыносимый шум! От которого не спасала ни магия, ни стены, этой магией пропитанные. Вода уничтожала любую магию, а каменные стены, воздвигнутые изначально, чтобы огородить пространство, как-то очень быстро развалились, и оказалось, что дерево даже лучше переносит соседство с рекой и камнем вокруг.

Так и порешили. В пещере оборудовали мертвецкую, а рядом со скалой построили печи и здание для обслуживающего персонала. Какое-то время тут так же жила полевая рота Чистильщиков, для которой была построена двухэтажная казарма. Но со временем ее перевели поближе к Орсе. Ну а здание осталось – в одну из гроз в ней побилло крышу, превратив чуть ли не в развалины.

А дым?

А что дым? Когда печи зажигались и происходило последнее прощание, казалось, что из трубы вообще ничего не идет, таким невидимым стал дым в этом месте!

Загадка?

Ну, видимо, да...

А сколько их еще на просторах Каракраса...

Ларс Торсен

**История Каракраса в мыслях
Записки постороннего историка**

* * *

Северный Огненный погост

Ночь. Молния. Гром...

Ночью случилась гроза.

Ливень с небес как из ведра, и молнии кругом, и совсем рядом...

Крышу казармы залило, развалило окончательно, и вся эта вода рухнула вниз. Команду Бера не задело, но спать от такой стихии тут же расхотелось. Так и пролежали остаток ночи и грозы, сбившись в кучу, возле теплой печки, наблюдая за молниями в целых окнах, но в дырявой крыше, и водопадом воды на расстоянии вытянутой руки.

Впрочем, основные события этой ночи случились все-таки не здесь, а внутри скалы.

Это только внешне казалось, что скальное образование, где расположился погост, являло собой нечто монолитное и единое.

На самом деле скала, как сыр, имела множество каверн и пещер, и мертвецкая была лишь частью этого конгломерата горных пустот и трещин. И подземная река текла не просто в камне, а имела и берега, крутые перекаты, и шумные пороги, отчего и стоял весь этот забивающий уши гул внутри скалы.

К середине ночи, когда ливень стал затихать, превращаясь в обычный дождик, усилились молнии. Они стали пронизывать воздух почти каждую секунду, причем избрав для своих забав пространство рядом с погостом.

Красивое, завораживающее, но очень жуткое зрелище.

И в какой-то момент...

Сразу несколько молний, одна за другой, ударили в вершину скалы, ярдов в сто. Послышался треск, и с неба посыпались камни, выбитые из скальной породы. Но если внешне показалось, что ударили и все, то в самой скале все только начиналось.

Так вышло, что огромная энергия молний прошла внутри камня, по гигантской металлической жиле ворвавшись в свод, где и текла река ярдов через десять, вливавшаяся в пробитый ею или созданный природой под плато туннель.

Энергия ворвалась, вспыхнула яркой вспышкой, и этого оказалось достаточно, чтобы оторвать от свода огромную каменную глыбу и заодно придать ей огромную скорость падения.

Камень вонзился в воду с силой кулака, резко и быстро! И его падение вызвало образование огромной волны, которая спокойно перевалила пять ярдов, отделяющих туннель от самого плато. Как пушинку, снесла деревянные стены мертвецкой, подхватила четыре тела, находящиеся в ней, и соединилась вновь с основным речным потоком.

Но это было не совсем окончание природного спектакля. Так как через несколько секунд, когда внутри волна сносила мертвецкую, в вершину снова ударил снап молний. И его энергия не просто прошла по скале, а растворилась в водном потоке. Никто никогда не видел водного фейерверка и никогда больше не увидит. Но вода светилась несколько секунд, пока энергия молний окончательно не растворилась в мчащейся в подземелье реке.

И к утру гроза закончилась.

Впрочем, после грозы, уже утром, произошло еще несколько событий, которые добавили мистики во все происходящее.

Первое событие произошло в самой мертвецкой. Точнее, в левом своде от самого плато, куда и ушла волна. Когда команда погоста исследовала произошедшее, кто-то из людей решил осветить фонарем этот свод, и все увидели три трупа, немислимым образом оказавшихся в разных каменных нишах. Но только три, четвертое – тело мальчишки – так и не было найдено. Ну, а эти трупы через пару дней были сняты командой Чистильщиков и гарпунами, так как магия здесь почти не работала...

Второе событие произошло с рассветом, когда люди сумели рассмотреть все камни, которые сыпались со скалы. В свете еще летнего солнца сверкающий в его лучах металл сразу привлек к себе внимание, и, как оказалось, это были осколки серебряной жилы!

И третье событие, связанное с самим Бером.

Отхожее место, куда он направился поутру, находилось вне казармы, точнее, вход из нее раньше был, но со временем его заложили, и находилось в пристройке у южного торца здания.

Так вот, сделав дело, Бер как раз подтягивал штаны, как вдруг послышался треск, и стена перед ним стала медленно оседать к его ногам, засыпая отхожую яму кирпичом, а самого Бера пылью и мелкими осколками. Он так и застыл со штанами в руках и открыв рот.

Но его удивление стало еще большим, когда он увидел, как к его ногам скатывается какой-то глиняный горшок, разбивается, и из него россыпью вываливаются золотые и серебряные дукаты! Даже дар речи потерял!

А когда ожил, наконец-то придя в себя, то упал на колени, уткнулся в эту сверкающую массу монет лицом и рассмеялся.

Он все сделал правильно. Он был честен с Богом!

И Скирия вернул ему долг...

– Господи, Великий Скирия! Спасибо тебе!

3. Аркет

Где-то...

Тьма.

Кругом тьма, темнота, все черно, и ничего не видно...

Но нужно идти вперед...

Вперед? Идти?

Зачем? Вообще, зачем куда-то идти. Почему нельзя прилечь вот прямо здесь. Здесь ведь так тепло. Хорошо...

Нет! Нужно идти!

Зачем?

И вообще, где он? Кто он?

Почему он идет здесь, где кругом камень и тьма вокруг?

Как он здесь оказался?

Кто он?

Никак не вспомнить. Что-то крутится в голове. Город (какой-то). Суд (страшный). Этап (жесткий). Холод (жуткий). Вода (жгучая). Камень (шершавый)...

Как же его зовут?

Имя...

Имя?

Имя!

Да!

Он вспомнил свое имя! Вспомнил! Как хорошо на душе стало.

Но почему камень вокруг и так темно? И вообще, правильно ли он идет? А главное, куда идет?

Почему так темно?

И почему нужно идти? Вперед? А может, он уже давно идет назад. И куда назад? Там, где он был. А где он был?

Свет?

Здесь свет?

Кругом тьма, а впереди огонек? Свет. Мерцает, колышется. Как будто зовет.

Иди ко мне! Иди ко мне!! Иди ко мне!!!

Да! Нужно идти!

На свет! Как мотылек!

Обожжет или согреет...

Ох...

Как ярко-то!

И снова тьма вокруг...

* * *

Монолог...

– Выпей! Вот молодец! Не спеши... Ну да, гадость еще та, но зато силы укрепляет.

Ты извини, гостей я не ждал, поэтому только этот отвар и смог сделать.

Почему не ждал гостей? Хм. Я уже давно никого не жду...

Честно говоря, я сам собирался в гости.

К кому? Ну... если откровенно, то даже не в гости, а, так сказать, на постоянное место пребывания. Устал я немного жить...

Даже не знаю. Лежал, ждал поезда до конечной станции, а тут вдруг с подножки и мне на голову...

Что такое поезд? Хм. Железного голема видел? Видел? Поезд то же самое, только там, где я жил... до голема...

Пей!

Слепой? Ну да, слепой я. Давно уже. Нет. Я просто сделал неправильный шаг и лишился глаз. Такое бывает. Что-то забываешь или просто спиной поворачиваешься, а тут тебе...

Да? И тебе досталось? Не помнишь? Ну, ты молод, еще вспомнишь все, что забыл, и все, что не знал, и все, что помнил...

Кто я? Хм. Я уже и забыл, кто я... и кем я только не был. Впрочем, у меня хорошо получалось убивать. Хотя о чем это я...

Научить? Тебя? Убивать? Зачем?

Нет! Для мести учить не буду. Да и кому ты собрался мстить? Всем? О! Если мстить всем, то и жизни не хватит. Но на самом деле, любая месть – это глупость. Вот я отомстил, и мне что, стало легче? Вон на поезд собрался в страны дальние. Потому что все, цель достигнута, и что дальше делать?

Для понимания? Понимания чего? Силы? Власти? Жизни? Смерти? Хм. Интересные вопросы. Вот только, смогу ли я учить? Знаешь, давно не брал я шашки в руки. Шашки? Игра такая. Хорошо, и в нее играть научу. Хотя не сильно их люблю, «недоигра» это. Вот шахматы – это Шахматы! И убивать тоже... научу. Точнее, защищаться. А еще точнее, убивать только тогда, когда больше ничего нельзя сделать, как только убить. Слепой? Разве это проблема? Проблемы лишь в наших головах, ведь все вокруг – мираж.

Ну, можно и так сказать. Старый, ворчливый, слепой старик. Все равно хочешь учиться? А выдержишь? Не-е-ет! Не говори гоп! Не говори, что сможешь. Потому что смочь – это одно, а вот научиться – совсем другое.

В чем разница? Не знаю. Но знаю, что будет сложно. Я учитель нервный, не люблю, когда перчат или домашнее задание не делают. Могу и по затылку заехать или палкой по пятой точке.

Да? Знакомо? Ну а как иначе? Вот и я не знаю.

Лежи, лежи. Раз пришел в гости, то оставайся. Конечно, можно. Голем? А! Поезд! Ну, на следующем уеду. Вот тебя научу чему-нибудь и уеду. Не зря же ты мне на голову свалился. До сих пор затылок болит.

Научу. Научу. Лежи! Тебе лежать нужно, сил набираться. Для чего? Для учебы. Мы же уже решили, что ты учиться будешь. Куда собрался! Лежи! И запоминай эту боль и этот сон. Радость бытия, так сказать. И засыпай, да. Отдыхай.

Вот скажи мне... Зачем мне этот мальчишка? Думаешь? А я справлюсь? Никогда бы не подумал. Но все равно спасибо. А поезд? Да, подождет. Ну да, еще успею. Разве можно на него опоздать?

Это точно! Так что не будем торопиться...

* * *

Орса

Он и Она

- Ларс, Господи, Великий Скирия! Ты где был? – она всплеснула руками.
– Лучше не спрашивай, Мелиса. Но там меня уже нет, – он сел на стул, расслабился. Вдохнул. А в его руке вдруг появился туго набитый кошель. – Вот, держи.
– Деньги? Ларс, ты же знаешь! – она замахала руками.
– Мелиса, любая работа должна быть оплачена, – и кошель лег на стол. Она вздохнула, развязала тесемки, ее глаза удивленно сверкнули:
– Что на этот раз?
– Пусть ребята на Дланской дороге снова начнут готовить еду. Но теперь на двух человек. Буду, как и раньше, приходить к ним раз в два-три дня по утрам.
– На двоих?
– Представляешь, – он улыбнулся, – у меня появился ученик! Поэтому я чуток еще здесь задержусь. Хотя уже вижу смерть...
– Господи, Ларс...
– Вот прекращай! Еще заплачь!
Она вздохнула:
– Ну да. Спорить с тобой было всегда бесполезно, – и властно так: – Ольса! Карна! Обслужите нашего дорогого гостя!
– Мелиса! – он даже вскочил.
– Здесь слишком много денег на просто еду, – она потрясла кошельком.
– Может быть, но мой ученик неважно себя чувствует. Вряд ли проснется в мое отсутствие, но все может быть. Так что нужно идти. Да и слабоват я стал по этой части.
Она рассмеялась:
– Слабоват! Мне-то не заливай, – махнула рукой: – Ладно, иди. Но в следующий раз так просто не отделаешься!
Он усмехнулся, проходя мимо, чмокнул ее в щечку, отчего она вдруг покраснела, но и пары шагов не сделал, как оглянулся, и его бельма глаз уставились на нее (и кто здесь слепой?):
– Прошу тебя, не ищи меня! Не следи за мной! Все равно не найдешь меня, пока я этого не захочу. Но я не хочу говорить не потому, что не доверяю тебе, а просто потому, что это место единственное, где я могу остаться один. И не стоит его топтать.
– Я просто беспокоюсь о тебе, – сказала она виновато.
– Я знаю, – он улыбнулся. – Но даю слово, что со мной ничего не случится, пока я этого не захочу.
– Все, иди! – в ее глазах появились слезинки.
– Ты прелесть, Мелиса!
– Я знаю...

* * *

Историческая справка: Аркет

Аркет – город на востоке Каракраса, возлелевой Гряды. Через город протекает река Дирса-Дайлана.

Более тысячи лет, до Великого Катаклизма, находился в тени Великого Города – Государства Реймса. Самый крупный город королевства Локия.

Во всех Трех войнах (мы не вводим в эту статистику Четвертую войну, прозванную Безумной, так как это совсем другая война) – Первой, Второй и Последней Аркет находился на периферии событий, в тылу. Армия эльфов никогда не доходила ни до Аркета, ни до Реймса, так как люди всегда капитулировали раньше. Но Аркет, как и Локия в целом, в этих войнах всегда комплектовал часть армии, а после окончания войн никогда не отказывался от договоренностей и так же, как и другие человеческие королевства, всегда выплачивал часть контрибуции, запрашиваемой эльфами. Великий Катаклизм, как уже было сказано выше, прошел мимо города; в нем случились незначительные землетрясения и разрушения, которые были быстро восстановлены. Вся энергия Великого Катаклизма досталась Реймсу и Горским Горам, создав Сиртскую Аномалию.

Аркет является третьим по величию городом Каракраса, к востоку от Межевого вала – Ликсии. И первым по древности. Правда, историки об этом спорят. Некоторые считают древнейшим городом Востока – Мир Рошанский, но я отношусь ко второй части летописных ученых, которые фактами доказывают, что Аркет древнее. Лет на сто пятьдесят точно.

Он также является третьим по количеству жителей и единственным из Великих городов Ликсии, который не имеет хорошей системы канализации, от чего Аркет считают грязным и вонючим (и по праву). Впрочем, стройка канализации когда-то начиналась и считалась приоритетной. Но лет сто назад магистрат и ее тогдашний глава лорд-мэр Карн вис Джарвис крупно поссорились с общиной трюмбергов, отчего стройка застопорилась и до сего момента не была возобновлена, несмотря даже на увеличившуюся грязь и вонь.

Впрочем, борьба с вонью и со сточными водами ведется в городе постоянно. Канавы пытаются закрывать специальными деревянными настилами, пропитанными ароматизаторами, были построены отстойники. А день натиры – среда – стал днем ассенизатора. В этот день город закрывается для любого транспорта, кроме золотарей, вывозящих отходы. Также в Аркете сильная целительская школа, выпускники которой очень ценятся в городах Ликсии, человеческой части Каракраса, как прекрасные борцы с черными эпидемиями (чума, холера и другие смертельные вирусы).

Но, как уже сказано выше, несмотря на все ухищрения и борьбу, вони, кажется, стало даже больше.

Также Аркет имеет прозвище кошачьего города, не потому, что в нем много кошек (их тут почти нет), а потому, что почти все крыши города соединены между собой, и по ним без особых сложностей можно пересечь город в любом направлении. Ну, как кошка, которая гуляет сама по себе и по крышам.

Исторически это сложилось еще до Великого Катаклизма.

Вообще Аркет всегда и во все времена строился плотно, узко, невысоко.

Плотные кварталы.

Узкие кривые улочки, чтобы врагу сложно было захватить город. Хотя, как мы знаем из истории, Аркет никогда никто не захватывал.

И невысокая этажность домов города. Пять этажей уже считается небоскребом для Аркета. Конечно, мы не берем в расчет дома и шпили богатых особняков. И тем более башни Королевского дворца, выше которых, само собой, ничего не может быть.

Причем этажность эта ступенчатая. По не менее древнему строительному закону, чем сам Аркет, дома в городе не должны были иметь между собой разницу большую, чем в один этаж. Ну, если стоит дом в пять этажей, то рядом с ним могут стоять или такие же пятиэтажные или только четырехэтажные дома. То есть в городе напрочь отсутствовала странная архитектура, когда рядом с двухэтажным домом квартала мог стоять семиэтажный небоскреб.

Видимо, этой ступенчатостью и одинаковоэтажностью и воспользовался цех трубочистов, всегда очень сильный в Аркете (поэтому пожаров в городе не так много, как могло бы быть из-за плотности застройки), и провел через магистрат еще до Великого Катаклизма закон,

названный историками впоследствии законом Единой крыши. Что и позволило создать под небесами, можно сказать, целый город из десятка улочек, сотен дорожек и тысяч тропинок на покатых серых черепичных крышах! Здесь даже были мосты! Скорее, мостики. Но все же. Воздушные, перекинутые через узкие улочки. И вся эта музыка крыш жила для того, чтобы трубочистам было легче и безопаснее перебираться от крыши к крыше, от трубы к трубе и качественно исполнять свой профессиональный долг. По крышам можно даже пересечь Дирсу, через которую перекинуто несколько десятков мостов, три из которых имеют домовые постройки, так же попадающие под закон Единой крыши.

В общем, крыша и в самом деле получилась единой! Лишь только несколько Бархатных районов, их в Аркете несколько, в которых богатые особняки не имели общей крыши, не вошли в этот закон. Имеющиеся промышленные зоны так же не соединялись единой крышей. Ну, и сам Королевский Дворец, и десяток резиденций Короля поменьше.

Да, забыл про площади сказать. Их в Аркете одиннадцать. Они, на удивление, большие для плотного города, ровно круглые и являются центрами торговой и религиозной жизни города. На главной центральной площади стоит Храм Подвижника Веры Ириана – единственное здание, шпиль которого с четверным крестом на вершине выше Королевских башен и на которой расположен самый большой рынок Локии, где можно купить все что угодно, даже рабов (хотя работорговля, как и рабство, запрещены). На всех остальных площадях – Церкви и рынки поменьше.

Аркет – бывшая столица королевства Локия. Перестал ею быть после того, как отец нынешнего Короля Локии Ферта V – Карл VII перенес столицу (считается, что на это решение повлиял именно конфликт магистрата и трюмбергов) немного южнее, выстроив Арну недалеко от земель Дома Сорвилион – эльфийского анклава Странных эльфов. Но при этом Аркет остался первопрестольным городом Локии – Ферт V короновался на трон именно в нем, а не в новой столице Королевства.

Аркет, как и подобает Великому городу, город Истинный, то есть имеет Арку Благородства. В городе их целых три – Первая находится на площади Подвижника Веры Ириана, Вторая на площади Согласия, Третья на площади Вхождения...

Аркет, несмотря на изменение столичного статуса, остался культурным и религиозным центром Локии. В нем находится Главная резиденция Архиепископа Локии и Сирты. Храм Подвижника Веры Ириана по красоте, величию, древности и высоте может соперничать с величественными храмами Мир Рошанского. А Главный Королевский театр уже долгое время никому не отдает пальму первенства в магии сцены.

Есть и промышленность. Северная и Малая верфи. Крупный порт. Несколько промышленных, текстильных мануфактур. Распространены ремесленные цеха. Кузнецы Аркета всегда славились оружейным мастерством, не уступающим мастерству гномов. А на Железном заводе время от времени даже собирают Железных Големов – единственное место, где их вообще делают на просторах Каракраса!

А еще Аркет – город, где очень сильна Ночная гильдия, представители которой даже есть в магистрате! Ну и само собой, Тайная канцелярия, которая по возможности не дает ночникам развернуться еще больше.

В общем, Аркет грязноват, темноват, но довольно весел, особенно по ночам. И все, кто в нем родился, говорят, что это самый красивый и лучший город на свете...

И...

Стараются уехать из него подальше...

Ларс Торсен

**История Каракраса в мыслях
Записки постороннего историка**

4. «Рыбное дело»

1423 года от Пришествия Скириш. Ноябрь (оль)

Аркет

Ночь. Звезды. Крыши во тьме.

Узкие улочки города освещаются тусклыми фонарями, но с крыши их свет не виден, если, конечно, не смотреть прямо вниз.

Но лежащий на крыше человек вниз не смотрел. Если присмотреться, он просто лежал на расстеленном покрывале, закрыв глаза...

Парнишка лет четырнадцати...

Нэй...

Что он тут делает?

Ну... Это его второй побег.

Хотя нет, не так.

Побегом можно было бы считать лишь ту глупую попытку сбежать, убежать.

Вот только куда?

Почему-то мысль сбежать от приютившего его слепого старца появилась у Нэя почти сразу, как он встал на ноги после нескольких недель лежки.

Вот втемяшилось ему в голову, что убежит. Прибежит в Аркет, выложит на стол дядюшке Отою тот кошель, который он взял и который не нашли волчары, и его жизнь станет сказкой!

Вот прямо так возьмет и станет сказкой! Сказочной!

А что, клеймо, которое на щеке прижгли, как преступнику, куда-то делось. Руки, ноги целы. Рубить ничего не стали, зачем на каменоломнях калеки? Талант тоже при нем остался. Он на это надеялся. Чего бы не продолжить?

М-да. Продолжить...

По карманам да кошелькам шариться? Постоянно оглядываться, чтобы, не дай бог, тебя снова волчары не засекали и не узнали или чужие из других сот не подкараулили где-нибудь и не побили? Или вообще... Можно ведь и не вылезти из сточной канавы.

Но Нэй особо не размышлял. Он просто собирался убежать. Здесь, конечно, тепло и мухи не кусают. А то, что вставать на заре и бегать постоянно, круги наматывать и какие-то странные упражнения типа бросил-поднял – ну, у стариков свои странности – Нэя особо не напрягали. Вставать рано привык и по городу побегать. Но исполнял все в точности и даже похвалу пару раз заработал, хотя и палкой по пятой точке тоже.

А обучаясь, втайне готовил узелок на побег. Сколько до Аркета? Точно не знал, только знал, что на юг нужно по Дланской дороге, куда старик, только он на север шел, время от времени по утрам уходил за готовой пищей и к обеду возвращался с объемным мешком на плечах, рюкзаком прозванным (а он точно слепой?).

А что готовил для побега? Еду, конечно. Мясо было сушеное, сухари. Умудрился как-то прихватить огниво и трут, ну а маленький котелок решил забрать, когда побежит, чтобы особого подозрения у старика не вызвать.

В общем, собрался и...

Побежал!

Когда старик, как обычно, ушел за провизией.

В переходную Ольсу. После как всегда прекрасного лета Сигизмунда. И после жутких морозов, конца ноября (оль), которые как раз после лета Сигизмунда всегда и случаются. А в переходную Ольсу все как оттаивает до декабря (ус) ...

Вот в снежную, но солнечную Ольсу и побежал...

И как побежал!

Вот что значит двухмесячные тренировки! Бежал так, даже останавливаться не хотелось! Только на быстрый шаг перейдет, вернет дыхание и снова припустит!

Часа четыре так бежал. Время к полудню. И тут ему захотелось перекусить. Просто взять сушеного мяса, хлеба и просто червячка заморить. Даже не останавливаться, а так, на ходу.

Снял с плеч свой узелок – рюкзак, развязал.

И встал как вкопанный.

Вместо так им любовно накопленного сушеного мяса и сухарей в узелке лежали эльфийские мокасины – лучшая обувь для бега. Нэй в них всего пару раз пробежался, а затем они куда-то пропали. Ну пропали и пропали, он даже внимания не обратил на это.

А оказывается, вот где они были.

Он ведь не проверял узелок перед побегом. Зачем? Старик ничего не подозревал.

Ну да, не подозревал...

И вот тут на Нэя все мысли эти и навалились.

Зачем? И куда, собственно, он собрался возвращаться? Чем тот мир лучше настоящего? Чем прошлое лучше этого места в лесу?

Он так и сел в первый снег. Кажется, даже расплакался. Нет, правда, заплакал. Уткнулся сипящим носом в мягкую и теплую кожу мокасин и плакал.

А затем встал и пошел назад.

Но теперь шел, не бежал. Куда спешить-то?

Правда, пришлось немного поплутать в поисках своего нового дома. И вот как про дом подумал, так сразу нашел!

Было, конечно, немного боязно, как старик отреагирует на его побег и возвращение. Но оказалось, зря боялся. Тот сделал вид, что ничего не случилось, только проворчал что-то насчет лени и глупостей на уме.

И Нэй... снова побежал, обув мокасины, но теперь уже по кругу, как говорил старик, их стадиона.

А почему старик?

Учитель!

Вот так закончился его побег, первый и единственный.

Но Нэй все-таки оказался в Аркете.

Даже сам удивился, но идею с походом в город его прошлого предложил сам Учитель!

Было это уже весной прямо после Нового года. Солнце уже грело днем, но ночью было еще прохладно. Снег уже начал таять, оголяя землю, и уже появились первые подснежники.

Весна и новая жизнь. Красота!

И вот в это время Учитель и предложил поход в Аркет! Сам!

И отправил Нэя одного, полностью ему доверяя!

Готовились к походу, как к боевой операции! Про операцию Учитель рассказал и даже объяснил, что это такое. А Нэй просто думал, что прибежит в Аркет, посмотрит, что и как, кошель свой заберет и все.

А оказывается, не все так просто!

И одежду подготовили, чтобы Нэй выглядел в ней не очень бедным, но и не сильно богатым ребенком. Ну, чтобы желания пристать у пристава не появилось. И места схронов, где переночевать можно было бы без проблем, отметили, но это уже чисто Нэя опыт пригодился. И сам путь до Аркета тоже рассчитали, сколько туда времени, сколько в городе и сколько обратно.

Вот только поход на крышу приюта дядюшки Отоя в этой боевой операции отмечен не был. А Нэю вдруг до жути захотелось на нее забраться, как не раз до этого делал.

На такую знакомую крышу.

И все вокруг было знакомо...

Дома квартала, где сога (приют) дядюшка Отоя находилась, в основном были четырехэтажные, и только этот дом выделялся лишним этажом, который его хозяин достроил несколько десятков лет назад. Достроил, нужно сказать, с некоторым скандалом. Он хотел еще и мансарду добавить, но тут возмутились трубочисты, так как дом в этом случае, ненамного, но мог превысить разрешенную этажность. В общем, дядюшка Отой как-то сумел договориться, но построил не мансарду, а пятый этаж как бы вклинился в крышу, и его четыре огромных окна, в два ярда высотой каждый, превратились в подобие слуховых. Начинались на пятом, а заканчивались, уже возвышаясь домиком над покато́й крышей; руку протяни, и ты уже в гостях у дядюшки Отоя. Заодно, в то же время, прикупил еще по дому с каждой стороны. Поселил на четвертых этажах надежных людей (это уже было в прошлом, дядюшка Отой давно не знал, кто толком живет на этих этажах) и немного изменил дорожки трубочистов, чтобы идущий по ним наделал много шума (что, впрочем, тоже было уже в прошлом, после последнего ремонта, организованного цехом трубочистов несколько лет назад, все ловушки были убраны), и попал бы в руки...

Кого? Правильно! К ночным кошкам, конечно же, которые должны были дежурить постоянно на крыше самого дома дядюшки Отоя.

Ну, так было задумано. Но как уже было сказано, уже давно не работало. На дядюшку Отоя нападать никто не собирался. Был он в Ночной гильдии личностью известной и авторитетной, его боялись, в какой-то мере уважали. И если он участвовал в каких-нибудь разборках, то умело и всегда правильно выбирал сторону, которую следовало бы поддержать.

Впрочем, по крышам лазить многим удовольствия не доставляло.

В отличие от Нэя.

Он любил камень и любил крыши Аркета. Поэтому крыши и стены домов рядом с приютом, где он жил, успел досконально изучить. Каждый кирпичик, каждую раму, каждый плющ. Поэтому знал, где лучший путь, где лучше забраться, куда следует ногу ставить, где рукой цепляться или где специальный штырь вставлен, на который можно надежно опереться, чтобы не упасть, а куда лучше вообще не лезть, чтобы не сорваться вниз. Ну а лучше всего по плющам, которых с закрытой стороны домов росло огромное количество. Даже рубить их перестали, хотя многие за долгие годы, если не столетия, достигали своими отростками крыш, нарушая так уважаемую когда-то безопасность.

И знал, конечно, где находятся лежки дежурных, которые должны постоянно находиться на крышах, как приюта, так и других близлежащих домов.

Следить. Смотреть. Знать.

Должны находиться, но...

В последнее время их было легче найти в кабаках, чем на крышах.

Расслабились все как-то...

Так что забрался на крышу Нэй быстро и без звуков. По плющу любимому. Крепкому и мощному, и всеми забытому, потому что на крыше приюта, как хозяин расположился своими ветвями. Можно было и по стене, но выглядела она как-то сыровато. Поэтому плющ и выбрал. Боялся ли упасть? Он даже не задумался об этом! Просто забрался и все тут.

Зачем?

Ну, была одна мысль, тоже в боевой операции не описанная.

Но чтобы осуществить эту мысль в желаемое, пришлось немного подождать.

Потому что дядюшка Отой не спал...

Нет, он не собирался его убивать, хотя желание такое мгновение было в его голове. Но дядюшка обладал невероятной силой, куда против него четырнадцатилетнему пареньку!

Нэй хотел ему просто подарок преподнести. Сюрприз, так сказать. Дядюшка Отой не раз говорил, что не любит сюрпризы, ну вот Нэй и решил его обрадовать. И тоже по собственной инициативе.

Ну да главное, чтобы не поймали...

Впрочем, он не собирался вламываться в кабинет дядюшки, когда там куча народу. Можно ведь подождать. Ведь дядюшка Отой так и не изменил своим привычкам...

Правда, привычки его были мерзкими. Любил он устраивать оргии с детьми из своего приюта. Любого пола и почти любого возраста.

И Нэй хотел сюда вернуться?

Нет. Его сия участь миновала. Он никогда не был участником этих привычек своего бывшего хозяина. Его талант был выше желания, хотя как-то дядюшка Отой сказал ему, что не будь Нэй столь ловок с кошельками, обязательно приволок бы его смазливую мордашку...

Странно, конечно. А почему не выкупили тогда, если он был так ловок?

Нэй еще не все вспомнил. Но суд, да, из памяти выплыл. А вот дальше почти все как в тумане. Непонятно и то, как он вообще оказался в горе. Что он там забыл и откуда шел?

Так. Плач прекратился, а смех и похрюкивание дядюшки Отоя стали наиболее мерзкими. Сейчас отдых продолжится, но уже не здесь, а в бассейне, точнее, в огромном корыте, где дядюшка любил принимать горячие целебные ванны. И снова не один.

Ну а в комнате, рядом с окном, в которой Нэй и лежал, станет тихо.

Нэй подошел к краю крыши, выгнулся и заглянул в комнату. Полумрак и никого. Хорошо. Остальное, как говорится, дело умения. Ногу поставь, и ты уже в комнате. Даже не нужно бояться, что рамы закрыты, потому что они всегда были нараспашку! И днем, и ночью, и летом, и зимой. Неизменная привычка дядюшки Отоя – это всегда открытые окна.

Вот же! Металлический слив вдруг издал предательский скрип, прогнувшись под весом мальчишки. Нэй замер, но уже и так было понятно, что скрип ушел в пустоту, никто не прибежит, но это не означало, что можно расслабиться. Так что остальной путь Нэй проделал особенно аккуратно. Ему совершенно не хотелось оказаться в объятьях дядюшки Отоя или кого-нибудь из его помощников.

Но вот он и в комнате.

Все как обычно.

Духота, даже с открытыми окнами, и печь, раскаленная добела. Огромная.

Огромный стол. Огромная разобранная и разбросанная по всей комнате кровать с множеством подушек. И сундук, огромный, в левом от окна углу.

О! Открытый!

Но бежать к нему сломя голову Нэй не стал. Сначала сюрприз. Вытащил из-за пазухи продолговатый сверток, принюхался к нему, удовлетворенно хмыкнул и, улыбнувшись, положил на стол. И уже затем подошел к сундуку.

Почти сразу нашел свой кошель. Кошель будущего, как любил говорить дядюшка Отой, обещая отдать его в день шестнадцатилетия. У каждого воспитанника приюта был такой кошель. И каждый знал свое будущее, чуть ли не с пеленок! Разбуди! Покажет! Рисунки на кошельках были разные, и каждый помнил свой рисунок наизусть. Впрочем, в сундуке было все еще проще. Каждая ячейка, в которой находился определенный кошелек, была именной. Удивительно было читать имена. Но Нэй читал! Научился читать! Учитель научил, не удивился, что тот не знает грамоту, но тут же взял и научил!

И свое имя было читать любопытно. Вот только странно, что дядюшка Отой все еще хранил его будущее. Кому-то хотел отдать?

Кстати. Тут денег хватило бы на выкуп с лихвой!

Но, стоп.

Решил он свой кошель не брать, точнее, вообще ни одного кошелька не брать. Что-то внутри остановило его от этого желания. Но вот прибрать пару-тройку монет – пожалуйста. Вот из этого, например, пяток можно отсыпать – Карлис жук еще тот, как-нибудь перебьется. И из этого еще немножко – Мартон та еще свинья. А лучше вообще вот так сделать: взять и

большую часть денег из этих двух кошельков пересыпать в три кошелька – Нери – красивая девчонка с грустными глазами, Кану – добряк парнишка, но как карманник полный нуль, и Добу – верзила с тяжелой рукой, но удивительно звонким смехом.

Улыбнулся своей шутке.

Все-таки здесь было что-то хорошее...

Но хватит воспоминаний.

Пора и честь знать...

Так, со сливом аккуратней. Руку сюда, ногу сюда. Задержаться здесь.

Вот и крыша. Собрал покрывало и все в рюкзак на спину, и...

Еще забираясь на крышу, решил уходить по ним же. По улицам вотчины трубочистов. Так было намного быстрее и безопаснее. Внизу кривые улочки, а тут свобода и простор. И скорость.

Ведь дядюшка Отой сейчас придет, увидит...

А зачем он вообще полез к дядюшке? Сюрприз! Ну да, а теперь бежать нужно и очень быстро.

Как не хотелось Нэю услышать реакцию дядюшки на сюрприз, но требовалось спешить, ночники люди быстрые и умеют когда нужно быть еще быстрее. И если попасть им в руки...

О!

Поэтому вот прямо сейчас, по крышам и к Северным воротам, даже через Дирсу перебираться не нужно. И время ночного обоза как раз. А как проскользнуть мимо стражников в деловой суматохе, именно в деловой, а не в тревожной, Нэй знал.

И когда бежал по крышам, почувствовал, что за его спиной уже что-то начинается. Что-то, о чем лучше не знать. И бег ускорил, и не оглядывался.

И успел.

К воротам.

К обозу...

А за спиной занимался рассвет.

Новой его жизни...

* * *

Где-то...

Просто разговор

– Слышал? В Аркете заварушка началась!

– Что там случилось?

– Представляешь, кто-то подкинул дядюшке Отою дохлую рыбу!

– Так просто взял и подкинул?

– Непонятно. Хотя на самом деле приют дядюшки как проходной двор. Совсем расслабились ребята. Так что любой мог подбросить. Или шутник, или серьезно все. Но волна уже поднялась.

– Хм... Думаешь поучаствовать?

– Ну, не думал бы, не говорил.

– Хм... Раз такое дело... Зови команду нашу, вмешаемся в процесс.

– Повеселимся?

– А то!

* * *

Все бегом

- Ну как поход?
- Отлично, Учитель! Вот!
- О! Какой тяжелый! Неужто он таким и был?
- Нет, конечно, это я (стушевался слегка) позаимствовал в одном месте. Чуть добавил.
- Добавил? Украл? О! Ты все-таки забрался к дядюшке?!
- Не утерпел!
- А если бы тебя поймали? И вообще, зачем ты к нему забрался?
- Подарок оставил.
- Пода... Молчи!.. Хм... Тишина... Странно...
- Что случилось, Учитель?
- Уже... ничего... Даритель, чтоб тебя! Что лыбишься? Быстро руки в ноги и побежал!

Пятьдесят кругов!

- Есть! Ай, за что!
- За все хорошее! И за инициативу, которая наказуема! Что встал? Бегом ма-арш!

* * *

«Рыбное дело»

Но так никто и не появился...

Как это ни парадоксально, но Нэя никто не преследовал. И не искал. Ни нюхачи Ночной гильдии, ни гончие и видящие Тайной канцелярии Аркета.

И не потому, что он не оставил следов.

Нэй, конечно, слышал истории о сыскарях, которые способны по запаху, по даже малым следам отыскать преступника (сказки, хотя иногда везет). Взять, так сказать, на горячем, чуть ли не с поличным. Но, забираясь в окно к дядюшке Отою, он меньше всего заботился о своей безопасности. Сюрприз затмил мальчишечью голову, хотя он и подготовился к походу.

Ну, как подготовился... Он знал про крыши и трубочистов; как-то повезло ему подружиться с пареньком, ровесником своим, который готовился стать трубочистом и который по доброте душевной раскрыл ему некоторые секреты, ну, а он их запомнил. Например, что по мостикам нельзя бегать, иначе они развалятся, и человек просто упадет вниз, ничего его не спасет. Или крыши были открыты для всех, но вот в черной, как сажа, одежде могли на них находиться только трубочисты, а всем остальным это запрещалось. Правда, на серую одежду это не распространялось.

Вот Нэй и умыкнул серую рубаху и штаны с одного двора еще до ворот города, впрочем, деньги оставил. И когда отправился на дело, переоделся в своем излюбленном схроне, в одном из подвалов; очень удивился, что его так никто и не обнаружил, и перевязал тесемками и рукава, и штанины, чтобы не мешали. А на ноги эльфийские мокасины обул, все-таки взял их, хотя Учитель и не советовал. Слишком заметная вещь. Впрочем, Нэй держал их в рюкзаке и по городу ходил в обычных тяжелых ботинках. Только вот на дело взял. Заметил, что они очень хорошо цепляются за стены и камни, и бегать в них удобно.

В общем, подготовился, но на самом деле это бы его не спасло, следов-то он оставил достаточно. Просто события стали развиваться в несколько ином ключе.

Его тухлая рыба оказалась в странном месте в странное время. Как будто все вокруг только ее и ждали...

Паника, которая возникла после обнаружения рыбины, как круги на воде от брошенного камня, разнесла эту весть во все уголки подвластных Ночной гильдии мест. И если и хотели скрыть этот факт, то было уже поздно. Запах впитался в поры и уже начал свое ядовитое действие (о таких последствиях Нэй даже подумать не мог).

Поэтому когда все более-менее успокоились, то в приют дядюшки Отоя прибыли не нюхачи, которые должны были хотя бы для приличия понять, кто и что затеял, и вполне возможно, что они бы и вышли на шутника, а почти все руководство Ночной гильдии...

Собрались поговорить.

И поговорили.

Свидетели рассказывают, что разговор шел на повышенных тонах в течение минут двадцати.

Затем из кабинета как ошпаренный выскочил один из замов Главы – Джари Фиорентино, злой, красный и вспотевший, постоянно что-то бубнящий о козлах и придурках.

За ним минуты через две, как будто его пнули, из двери вывалился чернолицый Барак Рабунто, тоже злой, но совершенно молчаливый и непонятно, покрасневший ли.

И уже за ними как-то вальяжно и медленно из дверей появился сам Глава – Герберт Крамп, держащий под ручку прекраснейшую Изабеллу, которая сменила на посту главного дипломата Ночной гильдии властительную Карвену.

Как потом выяснилось, разговор сводился к разборкам по поводу рыбы. Кто и зачем пустил леща в огород Ночной гильдии. Само собой, никто не признался в этой черной метке, но при этом каждый был уверен, что сделали это его конкуренты, дабы снизить влияние или перераспределить хлебные места.

Говорят, Изабелла весь следующий день постоянно курсировала между несколькими договаривающимися сторонами, чтобы, не дай Скирия, не пролилась кровь.

И, видимо, это ей вполне удалось, потому что был назначен совет, на котором должны были вновь появиться и встретиться все стороны этого «рыбного дела», чтобы сгладить назревающий конфликт и решить все мирно и полюбовно.

Но встрече не суждено было состояться, так как поздним вечером произошло событие, в очередной раз изменившее ход этой истории.

Ближе к полуночи в трактире «Три толстяка» произошла кровавая резня. По слухам, зачинщиками ее стали чужаки, но это не меняло сути дела. Произошла драка, в ход пошли ножи, и десяток трупов уже не позволяли мирно разрешить возникший конфликт.

В общем, началось...

Причем, да, создавалось впечатление, что рыба упала на благодатную почву. Все ждали именно этого момента, но никто не решался его приблизить или создать. И вот свершилось...

События стали развиваться по нарастающей. Междоусобная война очень быстро охватила все четыре района Аркета, которые были подвластны Ночной гильдии. И в какой-то момент ее всполохи стали выплескиваться наружу, задевая своими языками вполне себе благополучные районы.

Вот этого ни Магистрат, ни Тайная Канцелярия потерпеть уже не могли. Договор, как говорится, Договором, но у всего есть предел.

И в четыре ночных района были введены войска Внутреннего Конвоя.

Точнее, три полка были введены режимом «гребенка с полным карт-бланшем». То есть войска прошли цепью и по улицам, и по крышам, уничтожая любое сопротивление на своем пути, а если считать, что им были приданы еще и дополнительные боевые маги, то любое подозрительное место вычищалось на корню без жалости и сожаления.

Так прошли ночь и следующий день.

А ближе к вечеру в расположение командования прибыла спешная делегация во главе с потрепанной Изабеллой. Всего трое человек с ней вместе. Она запросила пощады, так как уничтожалось вообще все! Еще немного, и Ночной гильдии Аркета не станет, и кто тогда придет на их место? Пришлые? Которые и начали всю эту бучу?

Говорят, часа два генерал-полковник ВК граф Тан вис Арчер один на один беседовал с Изабеллой и после вышел, вполне удовлетворенный этой беседой. А у Изабеллы сверкали глаза, и, кажется, она была готова растерзать любого, кто, по ее мнению, был причастен к этому «рыбному делу»!

Но она все же этой беседой добилась главного: внутренний конвой был выведен из районов. И не сказать, что наступил мир, просто воевать друг с другом было уже некому.

В этой войне погибли все трое договаривающихся в кабинете дядюшки Отоя.

Джари Фиорентино был зарезан своими же охранниками, им заплатили большие деньги некие сторонние силы, которые почти сразу избавились и от охранников.

Барак Рабунто попал под всполох фаерболо, пущенного магом зачистки. Он просто не мог поднять руки, которые были парализованы от удара противника, применившего какую-то магическую субстанцию. Впрочем, от этого фаерболо убежать не удалось никому.

А Герберт Крамп выпал из окна своего кабинета. Все посчитали, что это самоубийство, хотя упал он далеко, впечатавшись в стену соседнего дома.

Последствия были и для дядюшки Отоя. Он, как всегда, выбрал правильную сторону. Ни одного из трех он не поддержал, у него были свои резоны, кое-кто считался более перспективным, и этого кое-кого дядюшка Отой и выбрал. Так что можно было почивать на лаврах.

Если бы не одно «но» ...

Одним ранним днем, дня через два после того, как внутренний конвой покинул районы, дядюшка Отой был найден мертвым в своем кабинете. Он был полностью обнажен, а в сердце его был вонзен изящный стилет. Убийцу так и не нашли...

Эта история стала уроком и для Нэя.

Когда он узнал, что произошло, то дал себе слово больше не проявлять инициативу слишком рьяно. Точнее, задумываться о последствиях раньше проявления инициативы и до того, как он что-то сделает, даже если это что-то очень круто выглядит.

Впрочем, никогда не говори никогда...

5. Дорога в Небо

Историческая справка: Орса

Город в восточной части Ликсии – человеческой части Каракраса. Неофициальная столица Сиртской аномалии, или еще называемая пробкой Сиртской Бутылки.

Город средний по численности населения, но из-за того, что в городе много резиденций многочисленных военных, магических и религиозных орденов, а также расположения казармы Восточного полка Внутреннего конвоя, численность населения приближается к приличным ста пятидесяти тысячам человек и других разумных существ Каракраса – эльфы, орчи, гномы, трюмберги, карлики и так далее.

Единственный город в Ликсии и в человеческих королевствах, который строился без главной защитной стены. Точнее стена строилась, но очень быстро магистрат пришел к выводу, что город находится в таком отдалении от вражеских эльфийских территорий, что иметь стену – это бессмысленная трата средств.

Город возник стихийно (первое упоминание – 697 год от Пришествия Скирии, или 43 год после Великого Катаклизма), как уже было сказано, как поселение Искателей, которые отправлялись в руины величественного Реймса за артефактами и всевозможными кладами. Но лет через пятьдесят после возникновения первого дома появился, наконец, и первый стихийный магистрат из авторитетных Искателей (управлять-то разросшимся городом нужно), который, в свою очередь, был заменен на вполне обычный, но выбираемый, бюрократический аппарат после на шумевшей истории с Огненным погостом (управленческие функции изменились, Искателей стало меньшинство).

А за Огненным погостом (745 год от П.С.) возникла история об Аномалии и легенда о каменоломнях Сирты (не спрашивайте, сам не знаю, что это такое, но все преступники боятся этого названия как огня). Сам я был в Реймсе и сумел дойти до средней точки Сирты, но дальше мне не хватило ни сил, ни нервов, но там живут люди, которые привели к тому, что в городе обосновались Внутренний конвой и Седьмая когорта Ордена Меченосцев. Также в это время была построена Тюрьма Креза (749 год от П.С.), ставшая перевалочным пунктом для заключенных, отправляемых на каменоломни.

Орса – город Истинный, несмотря на то, что численность не так велика для таких городов. Арку Благодетельства подарил городу архимаг Ордена Земли Бертран ди Кард около двухсот лет назад, уроженец этих мест. Поэтому праздники Основания и Вхождения отмечаются в самом городе торжественно и величественно! Ну, ехать-то никуда не нужно...

Также Орса довольно широкий город, не стесненный в пространстве, ну, разве что на восток не движется, то есть старается не приближаться к границе Аномалии. Широкие улицы, светлые площади, по сравнению с Аркетом просто сияющий город. Конечно, здесь нет и закона единой крыши, но дома все-таки стараются строить, не доводя архитектуру до абсурда по этажам. Впрочем, центр города и Бархатный район уже обрели свою окончательную целостность, и строительство в них уже практически не ведется. Но если кто-то из богатых новичков хочет что-то построить, для этого есть окраины, где уже возникли и развиваются два новых Бархатных района.

Почему богатые стремятся в Орсу? Потому что в этом городе богатств, артефактов, драгоценных камней и золота больше, чем даже с самом Мир Рошанском! Все добытое в Аномалии Сирты доставляется в Орсу, здесь распределяется, здесь проходят первые торги, здесь совершаются сделки или задумываются ограбления века. Но здесь же находится и одна из сильнейших резиденций Хранителей – главного Ордена по защите и перевозке всех этих богатств.

И конечно же, Оrsa – это центр развлечений. Ведь огромная масса военных, офицеров и адептов всевозможных Орденов – это не только защита, но и неплохой, постоянный доход.

Улица красных фонарей по длине и количеству предоставляемых услуг могла бы потягаться в масштабности с не менее известным одноименным районом Аркета.

Великолепный цирк, и не просто шапито, что-то временное, а специально выстроенное для этих целей здание!

Несколько театров! Конечно, от них веяло провинциальностью. Но, например, театр трешовых, одно актовых опер пользовался бешеной популярностью, даже критики Мальвина и Мир Рошанского отдавали ему должное. Как они говорят: «действие забудется после одного просмотра, но нервы знатно пощиплет».

Парк Атракционов вообще был вещью невиданной в Ликсии и Каракрасе, и именно с Орсы пошла на них мода. Ведь в них даже не-маг может полетать или покататься на чудоконях, ощутив головокружительное чувство скорости и истинный страх, но при этом довольно безопасный.

Ну и конечно же, Азартная улица с многочисленными игорными домами, где карты и кости великолепно выманивали оставшуюся мелочь у нагулявшихся повес.

Что касается Ночной гильдии, то в Орсе ее как бы и не существует. Есть независимые, договаривающиеся стороны, если возникают конфликты, но единой гильдийной структуры нет. К тому же в городе очень много гастролёров, которые себя особо не афишируют и тем более не стремятся к объединению, так как Оrsa не является их основным местом добывания средств. Но все же есть два района, сердцем которых является Улица Красных Фонарей, куда лучше не заглядывать добропорядочному гражданину в вечернее и особенно в ночное время, если, конечно, его цель не сама Улица. Хм, тогда о какой добропорядочности мы говорим?

В общем, Оrsa город веселый, светлый и опрятный (ну, не считая двух известных районов, которые не сильно любят чистоту и особенно свет, кроме красного). Но, несмотря на истинность, великолепную развлекательность и богатства, каждый день через него протекающие, город жутко провинциальный, что чувствуется в людях, живущих здесь постоянно. Одежда немного старомодная, говор не столичный и гуси в центре города.

Хотя...

И в провинции есть свои прелести.

Цены ниже. Бандиты реже. Бюрократы дешевле.

И жизнь...

Спокойствие нам только снится.

Ларс Торсен

**История Каракраса в мыслях
Записки постороннего историка**

1426 год от Пришествия Скирии. Июнь (ин)

Оrsa

Начало лета

Вечерний город

По узкой улочке идут двое. Старик, одетый в серые штаны и рубашку, как раз для города. И мальчишка, в таком же одеянии, уже повзрослевший, но ростом так и не вышел, с большим

мешком-рюкзаком на спине. Ноша тяжела, но он не замечает веса. Разве это вес? Так, всего лишь грязное белье. Камни таскать намного тяжелее...

Он шел чуть впереди, а за ним, как за поводырем, держась за его левое плечо, шел старик. Вот только вопрос: кто кого вел...

– Учитель, а куда мы идем? – улочка, как мог видеть Нэй, не являлась образцом чистоты, а не очень дружелюбные личности, то и дело появляющиеся перед глазами, говорили о том, что учитель и ученик вошли не в самый благополучный район Орсы.

Мир, знакомый Нэю не понаслышке. И мир, из которого он мечтал вырваться. Теперь мечтал, особенно после похода в Аркет. Он когда-то доверял этому миру, но теперь и пенса бы не дал за это доверие. Ему хватило...

Правда выбраться из этой ямы ох как непросто...

– В одно интересное место, – немного обтекаемо ответил Учитель.

– Что это за место?

– Ну... – задумчиво проговорил Учитель и продолжил: – Когда ты свалился мне на голову, если честно, довольно больно было, я дал себе слово, – и очень тихо прошептал, можно сказать, подумал: – И не только себе, – и снова громко продолжил: – Обучить тебя всему, что знаю сам, и даже тому, чего не знаю. Поэтому грамота, книги, сила и стали нашими уроками. И я рад, что ты оказался достойным учеником. Как губка все впитываешь! Скоро глядишь – умнее меня станешь!

– Ну, это вы преувеличиваете, Учитель! – в темноте не было видно, но Нэй умудрился покраснеть как помидор, похвала Учителя ему прельстила.

– Ты очень быстро читаешь, хотя научился грамоте всего-то несколько лет назад! При этом ты схватываешь суть книг, а не просто глотаешь текст, чтобы насытиться, но ничего не понять. А это о многом говорит. И многое тебе дает! Но только не гордись раньше времени! Меня, может, и переплюнешь, но есть в мире головы во много раз умнее нас с тобой!

Вот так всегда: только даст взлететь, тут же жесткое приземление. Ну да, сколько в мире еще знаний и сможет ли он их все объять? Вряд ли. Но стремиться нужно.

– Но есть вещи, которые лучше познать не из книг, а из жизни. Так лучше запоминается, ну и опыт приходит.

– Что это за знания? – Нэй совершенно не догадывался, о чем речь.

Учитель усмехнулся:

– Нэй, тебе скоро семнадцать лет. Я не вижу, но слышу твои неприятности и желание понять некоторые вопросы... – помолчал секунду. И продолжил немного резко: – Вот чертово воспитание, даже толком объяснить не могу. В общем, я веду тебя в место, где тебе объяснят все лучше меня. Я ведь все-таки мужчина и, в отличие от некоторых индивидуумов (Нэй любил, когда Учитель вворачивал в свою речь непонятные слова, как камуфляж, та одежда, которая была на них сейчас в городе или уже другая в лесу, или топография, ему очень понравилось карты рисовать и изучать, а особенно ему нравилось выражение «джентльмены удачи», и вот сейчас промелькнуло странное, но смутно понятное – индивидуум), предпочитаю в плотской любви женщин, – хмыкнул. – Хотя тут, в этом Мире, почти любая любовь не считается зазорной, – как-то задумчиво и чуть ехидно, – сюда бы наших... с радужными... – остановился, головой мотнул, – нет, эльфы обидятся... с цветастыми флагами... – усмехнулся. – Хотя им тут не понравится. Все здесь слишком просто и в то же время очень жестко, регламентировано и установлено, особо не покричишь, – и уже снова громко: – Поэтому я и не могу объяснить тебе этого всего. В общем, хватит по кустам прятаться, пора познать истину, – сжал плечо Нэя. – Все, пришли...

Это был трехэтажный дом с красным фонарем на входе. Но сразу войти в него не удалось, так как дверь распахнулась, и чьи-то сильные руки выбросили на улицу здорового

детину, который с ругательствами подлетел в воздух и рухнул прямо возле ног Учителя и затих. Видимо, падение оказалось вырубаящим...

Но дверь не захлопнулась, а наоборот, раскрылась еще шире, и на пороге появилась женщина, объемы которой было невозможно описать. Она смачно плюнула в упавшего, причем попала, находясь в нескольких ярдах от него, и вдруг ее грозное в данную секунду лицо неожиданно посветлело и расплылось в улыбке:

– Ларс, неужели это ты?

– Здравствуй, Мелиса. Я слышу, ты как всегда грозна и прекрасна! Чем на этот раз провинился Буз? – Нэй уже ничему не удивлялся, он порой забывал, что учитель слеп, так как в большинстве своем тот вел себя как вполне обычный зрячий.

– Эта сволочь вновь хотела всучить моим девочкам обрезанную медь! А ведь у самого в кошеле пара серебряных пенсов нашлась!

– Да я что... – послышалось с мостовой.

– Заткнись! Натиру чтоб не появлялся! Урою! – и вновь улыбнулась в сторону Учителя и Нэя. – Заходите.

И они зашли.

Первый этаж был огромным пространством. Высокие потолки. Три лестницы, уходящие в полутьму этажей и переходов. А само помещение было уставлено несколькими столиками, за которыми сидели...

У Нэя аж сердце зашло, а ниже пояса... Но несильный удар в спину привел его в чувства.

Ну, почти...

– Наконец-то ты сдержал слово! Это он и есть?

– Да, Мелиса, знакомься, мой ученик – Нэй. Парнишка с талантом, но не без лени, – Учитель усмехнулся и подтолкнул покрасневшего Нэя так, что тот чуть ли не врезался в обширный бюст Мелисы. – Нужно бы постирать, – снял с его плеч рюкзак. – И еще одно дело к тебе. Помощь нужна...

– Догадываюсь, – проговорила хозяйка публичного дома, внимательно рассматривая Нэя.

Нэй сильно изменился телом за три года. Из мальчишки, который хоть и мог постоять за себя, но был скорее вертким, чем сильным, он превратился в умелого бойца, со слов Учителя; правда, пока эти возможности и умения Нэй не мог применить в жизни. Впрочем, может, это и к лучшему. Учитель в душе надеялся, что и не пригодятся его учения ученику, а лишь укрепят дух, ум и тело его и что Нэю не придется убивать...

А вот лицом Нэй остался мальчишкой. На его смазливом, вот именно что смазливом, овально-девичьем личике, посаженном на крепкую, мужскую шею, еще светилась детская наивность. Совершенно чистый подбородок, ну да, куда ему еще бриться-то, тонкие губы, прямой нос, коротко подстриженные темно-каштановые волосы и плотно прижатые уши, не зацепиться, если что.

И лишь в зеленых глазах его плескалась бездна, совершенно не свойственная возрасту его и мальчишечьим его мыслям. Впрочем, многим эта бездна казалась просто притягивающей красотой его глаз. Не каждому она открывалась, но если открывалась...

Мелиса увидела в этих глазах мальчишку, сироту, способного на многое, но многим и обделенного. Например, материнской любовью...

И голос Ларса:

– Но без извращений. И лучше будет, если им займется какая-нибудь не очень опытная из твоих девочек. Чтобы они вместе, так сказать, опыта набирались.

– Ох, и умеешь же ты завернуть, что приходится мозги выворачивать, чтобы понять тебя, – Мелиса оглядела свою армию: – Райса, займись пареньком, но, как сказал Ларс: без

извращений. И он твой единственный клиент на эту ночь. Сделай ему приятно, ну и постарайся, чтобы он и о тебе не забыл, – и подтолкнула Нэя к вставшей черноволосой девушке.

А тот сделал несколько шажков и остановился. На лбу выступил пот, а ниже пояса... Во дела-то...

И он покраснел еще больше...

Но подошедшая девушка не усмехнулась и не рассмеялась. Ей было лет двадцать, она была высока, на голову выше Нэя, стройна. В ней чувствовался опыт в этих делах. Ну, видимо, у Мелисы просто не было неопытных.

Она подошла и, наклонившись к уху Нэя, проговорила:

– Это ничего, бывает и хуже, – и, взяв за руку, потянула его к одной из лестниц. И Нэй поплелся за ней, стыдясь своей несдержанности и криволапия от неприятности в штанах.

Со стороны выглядело комично, но, как уже было сказано, никто не смеялся.

– Райса? Неопытная? – проговорил Ларс.

– Я женщина и лучше понимаю, что нужно твоему ученику сейчас. Она поймет его и научит. А главное – не станет влюблять его в себя. Кстати, где ты его нашел?

– Не поверишь, Мелиса! Он упал мне прямо на голову! Лежу себе, никого не трогаю, поезда жду, а тут «бац», пинок в щеку и удар по голове. До сих пор понять не могу, как не услышал его приход. А он упал и чуть живой. Можно сказать, умер уже, но, слава Скирии, я выходил его. Вот теперь и мучаюсь с ним, – сказал и улыбнулся.

– Мне порой кажется, что притворяешься ты, что слепой. Ведь все видишь!

– К сожалению или к счастью, только слышу и, как оказывается, не все, но многое, – наигранно приложил ладонь к уху и, как бы ни к кому не обращаясь, но все же серьезно, проговорил: – Слава Скирии, ожил! А то я думал, так истуканом и останется...

– Ну, Райса и мертвого оживит, – усмехнулась, а затем серьезно: – Тебе Ольгу или Лику?

– Честно говоря, слабею я по этой части. Поэтому в следующий раз. Сил накоплю и приду...

– Это ты уже в прошлый раз говорил! Сколько тебя не было? То-то! Так что сегодня никаких отговорок!

– Мелиса! Ну, в самом деле слаб я! Истинная правда! Пробить стену кулаком намного проще, чем любовью заниматься.

– Тогда тебе Зала нужна. К тому же, я не люблю быть должной. А в том кошельке золота было не на одну ночь! Поэтому сегодня все по высшему разряду! И не надейся, что я отпущу тебя так просто! Зала! Принимай клиента, самого лучшего из всех в этой никчемной жизни. И тоже вся ночь на тебе!

– Тогда я точно сдохну!

– Ну, на этот случай Райсу позовем. Все идите. А мне нужно новым клиентом заняться. Господин Снол! Давненько я вас не видела... – широко улыбнулась и направилась к невысокому, чуть лысоватому мужчине.

– Дела, Мелиса. Все дела...

1427 год от Пришествия Скирии. Июль (ир)

Лето

Июль (ир) на дворе

Утро. До полудня еще далеко

Поляна, окруженная деревьями и густым, на вид непроходимым, высоким кустарником...

Заросли явно искусственного происхождения: кто-то терпеливый долгие годы выращивал эту защиту от глаз любопытных и диких животных. Непонятно, что задумывалось, то ли неправильный круг, то ли правильный овал, но старания и стремления вполне зримо и достойны уважения.

Казалось бы, искусственно созданная преграда, которую вполне легко обнаружить. Но на самом деле только посвящённый мог найти эту поляну и пройти через эти кусты. Все остальные... Знать, что где-то здесь что-то есть, не значит иметь возможность сделать шаг...

В северной части поляны расположилась каменная отвесная стена в высоту ярдов двадцать, уже давно заросшая плющом (но если внимательно приглядеться, то у земли в зелени можно было увидеть проход внутрь этой стены) и плавно переходящая в мшистое плоскогорье, которое, в свою очередь, ярдов через двести горизонтального прохода наконец переходило в горный кряж, резко поднимающийся над близлежащей местностью.

По краю поляны пролегла дорожка шириной не больше ярда, витиевато огибающая неровности выросших кустов и посыпанная песком. В центральном круге на первый взгляд хаотично раскиданы многочисленные камни, величиной начиная с кулака и заканчивая головой. Причем заметно, что сделано это было специально, не природа создала пока невидимый узор.

Но на поляне было еще кое-что, созданное человеческими руками. Несколько конструкций или тренажеров, как называл их Ларс Торсен, – качели – два бревна, свободно закрепленные между собой и повешенные меж четырех опор; лабиринт с перекладинами, преодолеть которые требовалось, постоянно заворачивая из стороны в сторону; ошестинившиеся палками – руками столбы в человеческий рост, поставленные в треугольник. И еще какие-то скамейки, стойки, горизонтальные лестницы...

Все для занятий и тренировок, чтобы ни одна минута не пропала даром.

Вот Нэй и не терял время.

Его день начинался с сонной зарядки, как называл это действие Учитель. Сонная потому, что в шесть утра еще хочется спать, поэтому сами по себе упражнения вялые и сонные. Присесть, упасть, растянуться, перевернуться несколько раз на траве или в снегу, немного полежать, сделать десяток отжиманий. Вскочить и пробежать вокруг поляны – стадиона не менее десяти кругов.

Потом легкий завтрак, тренировка на полосе препятствий, там, где качели, лабиринт и тройка деревянных противников. Физические упражнения, качание пресса, поднятие тяжестей. Обязательный спарринг перед обедом, и пусть Учитель и был слепой, но Нэй все никак не мог его победить. Впрочем, это не было целью, но Нэю этого очень хотелось и поэтому он всегда слишком увлекался, за что получал от Учителя по полной.

После обеда бег, снова физические упражнения по укреплению тела и долгие повторения упражнений единоборств в спарринге с невидимым противником. Вот тут Нэй всегда побеждал.

В общем, ни одной свободной минутки, разве что в Орсе он был предоставлен сам себе, правда, не без обязательств перед Учителем.

Который, кстати, именно с появлением в жизни ученика Орсы и дома Мелисы (Ларс никогда не жалел об этом своем решении по поводу ученика) стал задумываться о том, чтобы найти Нэю зрячего учителя, который смог бы более четко поставить удары ученика.

Они даже обошли пятерых мастеров единоборств, о которых слышал Ларс или о которых ему рассказывали...

При этом проверял мастеров всегда Учитель, а Нэй стоял в сторонке, всего лишь наблюдая.

Троих Учитель победил играючи, даже несмотря на свою слепоту. Как? Этого не понять. Но и увидев не расскажешь.

Один Учителя победил! Он был по списку вторым, но Ларсу не понравилось обилие холодного оружия в доме мастера. Он, Ларс, вообще не любил ни ножей, ни мечей, ничего, что разрывало плоть, если это не руки. Поэтому и от него ушли, при этом всю дорогу до следующего мастера Учитель шел, качая головой, размахивая руками и что-то бубня себе под нос.

И, как и подобает, лучший учитель оказался пятым и последним в списке. Победил он Ларса Торсена быстро и умело, что даже Нэя восхитило. И, недолго думая, все трое отравились в близлежащий трактир отметить удачный день. Мастер нашел хорошего ученика, третьего к его двум, а Учитель был рад, что нашел мастера, способного поставить удар и усилить мастерство Нэя.

Так думалось Нэю, но оказалось, все совсем наоборот...

Трактир стал продолжением испытания для мастера и будущего Учителя Нэя...

И тот его провалил.

Мастер очень быстро напился, и из его уст понеслось такое, что хоть уши затыкай.

И Ларс как Учитель – дерьмо! И ученик его, то есть Нэй, не то чтобы учиться, а сперва пусть все отхожие места вычистит, а уже после он посмотрит, стоит ли заниматься с таким придурком. И еще что-то в том же духе и теми же словами, которых лучше не слышать в доброй компании.

В общем, разошелся не на шутку. А в конце всей этой тирады взял, да и ударил Учителя в лицо!

Да, Ларс не ожидал удара, и поэтому натиру после ходил с хорошим синяком под глазом. Он сказал, что это урок на будущее, и слепота не оправдание.

А после удара секунд пятнадцать сидел замершим и недвижимым, продолжая слушать оскорбления несостоявшегося учителя Нэя, который очень испугался за Учителя своего.

Но, как оказалось, зря...

Оскорбления переполнили чашу терпения Ларса, и он двинулся. Резко, быстро, зло! Любой бы зрячий позавидовал этой его реакции и силе!

Первый удар пришелся деревянной ложкой по лбу хама, но так, чтобы голова его не откинулась назад, а наоборот, по инерции ушла вперед...

Второй удар ложкой пришелся по подбородку, пьяница еще не понял, что происходит, поэтому продолжал еще что-то говорить, поэтому удар сомкнул челюсть так, что клацнули, если не треснули зубы...

Третий, двойной удар, пришелся ладонями Учителя по ушам болтливого мастера, который даже о пьяном стиле ничего не слышал. Удар совершился со звоном, и вот тут хам мог бы и закричать, но не успел...

Потому что четвертым ударом Учитель впечатал голову пьяницы, хама и болтуна в столешницу, и если тот и хотел крикнуть, то звук застыл, так и не прозвучав; удар вырубил несостоявшегося учителя мгновенно.

Нэй даже испугался, не убил ли его Учитель. Тот ответил, что очухается, но большую часть сегодняшнего дня забудет. Они так и ушли. Учитель заплатил три дуката за еду и беспокойство. И еще пару дукатов на лечения зубов идиота (все-таки, видимо, треснули). Так и сказал:

– Идиоту на зубы.

И ушли.

И больше Учитель к вопросу о зрячем наставнике не возвращался. Хотя иногда, когда Нэй смазывал удары, говорил, качая головой, что мастер ведь отличный, но у нас и своих глупостей хватает.

Хотя что-то изменить в тренировочном процессе требовалось. Просто все вдруг стало каким-то рутинным и пресным. Однообразие стало угнетать. Учитель стал каким-то невнимательным, удары его стали сильнее, чем обычно, отчего Нэй, частенько пропуская их, получал ощутимые синяки и ссадины. Конечно, Ларс всякий раз извинялся, но чувствовалось, что Учитель и Ученик потеряли темп. И ни книги, и даже Орса не сильно разбавляли происходящее. Да, в городе Нэй заряжался положительной энергией, но при этом Учитель мрачнел с каждым днем. Замыкался и ворчал все больше и больше.

Требовалась какая-то перемена, что-то новое, свежая идея, новый взгляд.

И, как оказалось, у Учителя нашлось решение.

Еще в начале лета. В переходную Альну Учитель отправил Нэя в Орсу раньше, чем обычно. Еще в пятницу, разрешив вернуться, кто бы мог подумать, в понедельник! Такой щедрости от Ларса Нэй не ожидал, но и расспрашивать, почему ему дается четыре дня свободы, не стал.

А когда вернулся, как и положено в понедельник, то на поляне-стадионе его ждал сюрприз!

Любопытная и странная конструкция, названная Учителем «Дорогой в Небо».

Двадцать столбов разной высоты и диаметром сантиметров в сорок, не больше. Самый маленький – пол-ярда, самый большой – все десять ярдов. И между столбами тоже пол-ярда расстояние. Закреплены в земле умело и профессионально, но все же, дотрагиваясь до них, чувствовалось, как они, особенно самые высокие, ходят из стороны в сторону. Немного, но на их вершине заметно.

Вот эта Дорога в Небо и стала глотком свежего воздуха в тренировочном процессе. Но преодолеть ее оказалось не так уж и легко.

И самое первое преодоление вышло комом.

Впрочем, стоит отметить, что условия подъема по Дороге, которые задал Учитель, были достаточно сложными.

Или ты прыгаешь на одной ноге со столба на столб, или руками должен поднять себя на следующий столб, или перетекать водоворотом, не останавливаясь.

Когда учитель ему сказал эти условия подъема, то Нэй даже головой замотал от неверия, что это возможно. А учитель взял и поднялся очень быстро на двадцатый столб! Исполнив все три условия зараз! (Нэй не знал, что Учитель готовился к этому преодолению всю прошлую ночь, перед появлением ученика, и пару раз он падал, очень крепко подвернул ногу, но виду не показал.)

Нэй, конечно, тут же попытался повторить успех Учителя. Решил для начала попрыгать на ноге, посчитав это самым легким из возможных условий.

Ну да, попрыгал...

Первые три столба прошли на ура! Но на четвертом Нэй остутился (в голове сверкнула радость от того, что так легко все получается) и, забыв обо всем, чему его учил Учитель, плохо упал, крепко приложившись спиной о землю и вывихнув руку.

Руку Ларс вправил, дал немного отлежаться Нэю, а после нещадно, две натиры гонял его по усиленному курсу падений. Это был настоящий кошмар, так как пришлось вспомнить все азы тренировок падения и прыжков (прыгать и падать с любой высоты, с которой можно прыгать и падать), которые были пройдены так давно и, оказывается, совсем недавно, но напроочь были забыты Нэем. При этом казалось, что Учитель просто мечтает, чтобы тот сломал себе шею раз и навсегда, тем самым избавив себя от столь забывчивого ученика!

Но Нэй не сломал ни руку, ни ногу (что удивительно) и уроки запомнил раз и навсегда. Но для преодоления «Дороги в Небо» этого оказалось недостаточно.

Да, он научился, вспомнил, как падать и прыгать, но это умение, казалось, только мешало. Любое лишнее движение, любая глупая мысль, особенно об Орсе и Райсе, любая остановка

приводили к одному – падению. Ну, никак не получалось у Нэя на одном дыхании пройти эту Дорогу, обязательно где-нибудь на тринадцатом или четырнадцатом столбе (прогресс – еще натиру назад он застревал на седьмом – восьмом) остановится, задумается и вот он уже на земле. Даже медитация не помогала. Нэй постоянно витал в мальчишечьих облаках. В его голове не переставая бурлили глупые мысли, ароматы, ласки, поцелуи. На земле он еще мог сосредоточиться, но здесь, на «Дороге в Небо», на пяточке в сорок сантиметров и с пропастью под ногами, его голова взрывалась от мыслей, и как их обуздать, он не знал совершенно.

Вот и сегодня падение с семи ярдов с четырнадцатого столба. Лучше не знать, о чем он там задумался, хотя чего уж там – о Райсе!

Порой ему казалось, что он в нее влюблен или она в него. И вот эти мысли, поиски неизвестного в неизвестном направлении и, может, даже ревность в каком-то смысле и сбивали его с толку.

Но в этом было и положительное. Так как Нэй с новым еще более сильным рвением принимался за, казалось, уже давно рутинные тренировки. Потому что надеялся, что именно удары по невидимым противникам освободят его голову от глупостей (любовь – это глупость?), непонимания (любит или не любит и вообще, что такое любовь?) и страха (а куда от страха деться?) и он, наконец, преодолит непреодолимую до сих пор «Дорогу в Небо».

А упал он сегодня хорошо, спокойно.

Упал, растянулся на траве и с восхищением принялся наблюдать за действиями и движениями Учителя, который в этот момент уже находился на самом высоком двадцатом столбе.

Было заметно, как столб качается из стороны в сторону, но Учитель этого даже и не замечал, оставаясь к ветру и качке безучастным. И снова мысль в голове. Может, он притворяется? Ведь лучше зрячего многие упражнения делает!

А Учитель, немного постояв на столбе, перевернулся, встав на руки, выпрямился, как струна, вытянув заодно носки. Медленно и красиво развел ноги в стороны и так же медленно опустил свое тело вниз, ногами обхватил дерево, отпустил вершину столба, выгнулся так, что голова оказалась внизу, и, только держась ногами, стек к земле (столбы были отполированы до блеска неизвестным мастером), где ярда за два совершенно неожиданно изогнулся, и, перевернувшись, уже на землю опустился на ногах.

И этому человеку больше ста лет?

И снова никакого ворчания, когда Учитель подошел к Нэю. И снова та же самая дежурная фраза, как и много раз до этого:

– Женщины – наша сила и наша слабость.

– Я старался не думать... О ней... – а, Нэй пытался ответить всякий раз по-разному, хотя об одном и том же ведь думает.

– Ну, у тебя не только мысли в голове, – усмехнулся Учитель.

Нэй понял и покраснел.

– Ничего. Все обязательно получится.

– Но не сегодня...

Учитель пожал плечами. И уже без всякой философии в голосе:

– Так. Я к ребятам на Дланскую. А тебе бегать, пока я не вернусь! – и через секунду: – И чего сидим?

– Уже бегу, – Нэй улыбнулся и вскочил с травы.

Ему нравилось бегать, особенно в последнее время. Бег, как ветер, выветривал из головы все, что в ней находилось, голова отдыхала, становилось легко и как-то спокойно.

Только одно портило взгляд и бег – это «Дорога в Небо», как скала, возвышающаяся над всем и неприступная для него.

Когда?

6. Демоны прошлого

Историческая справка

Календарь и время Каракраса

До 26 февраля (уль) 617 года от Пришествия Скирии:

Весна – Ан, Ар, Аль

Переходная натира – Альна

Лето – Ин, Ир, Иль

Переходная натира – Ильса

Осень – Ос, Ор, Оль

Переходная натира – Ольса

Зима – Ус, Ур, Уль

Переходная натира – Урса (у эльфов) и у людей Ликсии – Встречные дни или просто Праздничные.

Дни недели до 26 февраля (уль) 617 года от Пришествия Скирии:

Дни натиры:

Первый – Азр

Второй – Вазр

Третий – Назра

Четвертый – Идра

Пятый – Эрдра

Шестой – Седра

Седьмой – Натира

Календарь Каракраса не является ни солнечным, ни лунным календарем (если будет что непонятно, то ниже идет разъяснение Календаря в сухих подробностях).

Мистически связан он с величественной орхидеей Орфей, из которой по легенде и родилась Кара, а Крас появился из увядших лепестков, опавших после рождения Великой Богини. Но это одна из легенд, красивая и прекрасная, но это всего лишь легенда.

Считается, что орхидея Орфей разумное, магическое, мистическое существо, еще называемая Тенью Кары. Доказать это, правда, пытались многие, и существует множество доказательств, но на самом деле никто никогда так и не воспринял разум Орхидеи Орфей, и все эти доказательства скорее плод воображения изучателя, чем реальное восприятие фактов. Или наоборот – где воображаемые факты вполне реальные события...

Но как бы то ни было, именно благодаря Орхидеи Орфей мы имеем тот календарь, который есть, к которому мы привыкли и который не собираемся менять, хотя и были попытки после Великого Катаклизма заменить его как отголосок прошлого и связи с эльфами на лунный или солнечный календари. Но все попытки таких нововведений оканчивались безрезультатно. При этом все Лунные и Солнечные даты есть в нашем календаре и, в отличие от основного календаря, который Недвижим, все эти даты переходные, так как Луна и Солнце являются вполне независимыми субъектами звездного неба и свысока смотрят на наши человеческие проблемы...

Перво-наперво нужно отметить, что все Переходные натиры – не что иное, как время цветения орхидеи Орфей! Именно в эти дни она цветет ночным цветом. Она создание ночное, поэтому и цветет ночью...

Начинает она цвести каждый день ровно в 22:55 (так называемое «начало главной или мистической ночи», даже если Солнце уже давно ушло за горизонт зимой или еще светит своим ликом летом) и заканчивает цвести с некоторым разрывом между 3:17 и 3:26, но никогда не раньше и не позже.

Цветет, как понятно, семь дней, при этом считается, что первое цветение начинается в последний день последнего месяца временного сезона, например, начинает цвести в 22:55 28 Августа (иль), а заканчивает в ночь с седры (шестой день) на натиру (седьмой день), переходной натиры, в данном случае в седьмой день, э... ночь Ильсы...

Единственный переход в ее цветении на обычный день происходит на 1 Марта (ан) любого не високосного года. То есть шестой день переходной натиры Урсы, или Встречные, заканчивается не седьмым днем, а первым днем Нового года, то есть 1 Марта (ан). И только в Високосный год, когда к году добавляется один день, орхидея Орфей цветет полную переходную натиру Урсу в традиции эльфов, и Встречные дни, все семь, в традиции людей...

Как можно понять, 1 Марта (ан), точнее, первый день – аэр месяца ан, – у эльфов не считается Новым годом, как у людей. Но, как и у людей, именно Урсы-Встречные является той натирой, к которой раз в шестьдесят шесть лет добавляется один високосный день. Почему так сложилось, не совсем понятно.

У эльфов (у Высоких, Странные вполне спокойно восприняли летоисчисление человеческой традиции) с Новым годом вообще полная неразбериха, так как его, Нового Года, как такового у эльфов не существует в принципе. У них есть сезонные года, Года обретения Силы (когда определенный эльфийский Дом восходит на Общий Престол эльфийского мира). Есть просто года от рождения какого-нибудь Короля, какого-нибудь Западного человеческого Королевства, какая-нибудь эра от кого-то или просто эра правления. Единственное, что одинаково – это сам календарь, разделённый на двенадцать месяцев по двадцать восемь дней в каждом, с добавлением четырех Переходных натир, в Трех из которых семь дней, и в одной Урсе-Встречной – шесть дней в течение шестидесяти пяти лет, и как у людей, так и у эльфов – Календарь Недвижимый...

У людей Ликсии 1 Марта (ан) стал Новым годом, так как в этот день Великий Скирия начал свои проповеди, то есть пришел в наш мир Каракраса и осенил всех своей благодатью и радостью новой жизни и нового мира. Хотя, конечно, это сейчас, в современный период времени, говорится 1 марта (ан), а на самом деле Скирия Великий пришел в этот мир в первый день – аэр – первого весеннего месяца ан...

Впрочем, может быть, все как раз и ясно как божий день с Урсой-Встречной. Так как зимне-весеннее цветение Орхидеи Орфей (Урса переходная натира с зимы на весну), довольно блеклое, если так можно выразиться, а самое восхитительное как раз перед зимой в осенне-зимнюю переходную натиру – в Ольсу. Где орхидея Орфей предстает во всей своей красе и величии! Поэтому, видимо, Урса – Встречные и считается как бы началом нового года, и переходом к новому циклу цветения. Но, повторимся, у эльфов (Высоких) 1 Марта Новым годом не является, видимо, чтобы не преклонялись перед Величием пусть и магического и Величественного, но все же Цветка...

Но если с переходными натирами все предельно ясно, то разделение периодов, или сезонов, между цветением на месяцы не совсем понятна. Считается, что благодаря традиции семи дней цветения это время и было разделено на семидневки-натиры, а уже потом все в прямой пропорции было разделено на месяцы. Так как оказалось, что в четырех сезонах между цветениями Орхидеи Орфей очень равное количество дней, которые можно разделить на три месяца по двадцать восемь дней в каждом. Эльфы так и поступили, правда в начале, очень давно, календарь состоял только из номеров месяцев в эльфийской транскрипции – I, II... V... VII... XII. И только многие века спустя каждый месяц получил свои имена – например Ан – добрый, Иль – мудрый, Ос – лиственный, Уль – холодный и так далее и тому подобное.

И лишь реформа Маркитона V изменила эти названия, придав им немного странный, но как-то более человеческий вид, и полюбилась людям. Хотя наименование старых месяцев в человеческой традиции как-то осталось: Март (ан) или Июль (ир).

Вот такой календарь, названный еще Цветочным, существует в Каракрасе.

Что касается цветения, то, как уже было сказано выше, самое великолепное цветение Орхидеи Орфей происходит именно в переходную натиру Ольсу, то есть ей не страшен ни жгучий мороз, ни сильный жар, а если она посажена правильно и за ней ведется правильный уход, значит, что она приняла и почву, и заботу. Орхидея Орфей не погибает и не умирает, она просто исчезает, если ей не нравится место. Как исчезает с глаз людей и эльфов в дни между натирами цветения. Впрочем, считается, что она может показаться избранным людям, правда, непонятно, что эта встреча сулит разумным, увидевшим ее вне цветения, но в большинстве своем все сходятся во мнении, что все-таки что-то хорошее.

Также среди эльфов существует традиция обозначать свое воссияние цветением Орхидеи Орфей. Ее временем цветения, и эльф, чье воссияние достигает полного времени, то есть с 22:55 до 3:17 или чуть меньше или чуть больше, называется Орфейным эльфом. Правда таких эльфов в современном мире Каракраса единицы, и считается, что до Последней войны их также было немного.

У людских властительных родов воссияние, конечно, не столь значительное, но и оно достойно уважения. Не буду хвастать своим воссиянием, так как я так и не понял, почему Арка Благородства наградила меня столь внушительным воссиянием. В моем роду нет Королей. Но тут можно привести самое величественное воссияние среди людей высшей крови, и оно принадлежит Королю Рошана Урбану IX, который прошел Арку Благородства в свое сто двадцатилетие – это два часа пятьдесят одна минута...

Кровь, достойная уважения!

Теперь Календарь в сухих цифрах и пояснениях:

В сутках 24 часа, без нескольких секунд.

В году 363 дня. 12 месяцев по 28 дней и четыре переходных натир у Высоких эльфов, а у людей – три переходных натир и Встречные дни, которые еще считаются Праздничными и общей натирой не являются. Месяцы разделены на семидневки – натир.

Один раз в 66 лет к Встречным дням (переходная натира Урса) добавляется еще один день, называемый Единственным. А в календарях существует отсчет периода от последнего Единственного дня до следующего.

Месяцы календаря:

До 26 февраля (уль) 617 года от Пришествия Скирии:

Весна – Ан, Ар, Аль

Переходная натира – Альна

Лето – Ин, Ир, Иль

Переходная натира – Ильса

Осень – Ос, Ор, Оль

Переходная натира – Ольса

Зима – Ус, Ур, Уль

Переходная натира – Урса (у эльфов) и у людей Ликсии – Встречные дни или просто Праздничные.

26 февраля (уль) Король Королевства Аркитар Маркитон V издал первый указ, положивший начало преобразованиям государственной и общественной жизни Королевства Аркитар и всего человеческого общежития Ликсии, названные впоследствии историками как «антиэльфийские реформы».

Первый Указ касался изменений названий месяцев календаря.

И они получили вот такие названия:

Весна – Март (ан), Апрель (ар), Май (аль)

Переходные натиры остались с прежним названиями.

Весенняя натира – переходная Альна

Лето – Июнь (ин), Июль (ир), Август (иль)

Летняя натира – переходная Ильса

Осень – Сентябрь (ос), Октябрь (ор), Ноябрь (оль)

Осенняя натира – переходная Ольса

Зима – Декабрь (ус), Январь (ур), Февраль (уль)

Встречные дни – Новогодние или Праздничные. Или в эльфийской традиции – переходная Урса...

Несмотря на изменения названий и так называемый «новый» стиль календаря, старые названия месяцев остались в обиходе. И даже если говорящий называл только новое название месяца, то в письменном виде следовало всегда обозначать старо-стильные названия в скобках. Всегда, везде, в любых официальных документах и бумагах. Как-то – Июнь (ин), или Январь (ус). Почему так закрепилось, историки теряются в догадках, предполагая лишь единственную версию – Королева Альфина до самой смерти употребляла только старые названия месяцев, совершенно не принимая новые названия. Но при этом строго следила за тем, чтобы все остальные четко и правильно исполняли календарный указ ее отца Маркитона V.

Маркитон V не стал менять сам календарь, оставив его в так называемом Недвижимом (Неподвижном) виде, в котором даты в календаре из года в год остаются неизменными и не передвигаются во времени.

Новый год отмечается во все Встречные дни и Первую натиру уже Нового года, первого весеннего месяца Март (ан), которую также называют еще и Великой Натирой в честь пришествия Великого Скирии в этот мир.

Первый день Нового Года всегда первый день Первой натиры – Понедельник. Последний, двадцать восьмой день Февраля (уль) – седьмой, последней, Пятьдесят второй натиры – Натира. «Понедельником встречаем Год, а Натирой Год провожаем». Встречные дни считаются Праздничными, называются Первый, Второй, Третий, Четвертый, Пятый, Шестой и натирой не именуется.

Указом от 26 февраля (уль) изменялись и дни натиры:

Дни натиры:

Первый – Понедельник (Азр)

Второй – Вторник (Вазр)

Третий – Среда (Назра)

Четвертый – Четверг (Идра)

Пятый – Пятница (Эдра)

Шестой – Седра

Седьмой – Натира

Правда, как может заметить читатель, шестой и седьмой день остались днями эльфийской традиции. По легенде причиной этому считается то, что в шестой день натиры – седру – родился сам Маркитон V. А в седьмой день натиры – натиру – родилась уже его дочь Принцесса, а в последствии Великая Королева Альфина.

Ларс Торсен

**История Каракраса в мыслях
Записки постороннего историка**

Сентябрь (ос) 1427 года от Пришествия Скирии

Орса. Начало осени

Сентябрь (ос) на дворе

Нэй любил Орсу, точнее, он любил камень городов, в которых чувствовал себя как рыба в воде. Он понимал и ценил красоту домов и булыжных мостовых. Никогда не боялся узких улочек, ведущих неизвестно куда, и многолюдных площадей, на которых глаза разбегались от обилия красок и кошельков.

Впрочем, Орса была городом, который не сдерживала каменная теснота, в отличие от Аркета. Здесь было где разгуляться: широкие улицы, много освещения в центре, ночью город сиял как днем, опрятные дома и люди намного добрее, чем в городе его детства.

Но не было единой крыши. Кварталы были какие-то недоделанные и слишком зеленые, их невозможно было пройти по периметру, ибо обязательно уткнешься в какой-нибудь садик или палисадник, выпирающие на тротуары. Ну а по крышам тем более: дома были все хоть и чистые, и красивые, но какие-то разношерстные, не чувствовалась единая рука. Да и чтобы забраться на крышу, нужно было войти в дом. В городе почти не было плюща, и дома как специально или для защиты от таких скалолазов, как Нэй, имели чистую, ровную штукатурку без особых изысков, то есть было совсем не за что зацепиться! И да, на многих окнах, в отличие от Аркета, стояли магические сигналки: заденешь ногой раму, и можешь уши потерять от защитного воя!

Да и с кошельками проблема. В Орсе почему-то предпочитали карманы, а не кошель на поясе. Но при этом не было видно волчар, глаз Нэя не находил подозрительных личностей этой профессии: или они здесь были другие, или их не было вовсе. Что маловероятно, карманники ведь и здесь были. И много!

Ведь даже Нэя пару раз пытались обокрасть! Он прям-таки обалдел от неожиданности, когда это произошло в первый раз! Но все-таки не дал вору украсть кошелек, сработали вдалбливаемые Учителем инстинкты защиты. И после этого случая засунул свой кошель в карман куртки! Поэтому второго карманника взял уже за руку, на кармане. Парнишка был лет двенадцати, еще неопытен, но талант налицо, а значит, далеко пойдет, ну, если не попадет. Нэй, конечно же, его отпустил, напутствуя подзатыльником.

А он давно таким был?

Нет. С тех пор, как он стал учеником Учителя – Ларса Торсена, он оставил воровское ремесло. Он поклялся Учителю, что больше не совершит этого деяния. Но, к его удивлению, Учитель не стал запрещать воровство полностью. Заявил, что такой талант просто глупо зарывать в землю, и чтобы не потерять мастерство, разрешил Нэю время от времени пробавляться карманами, но с условием, что только одна монетка окажется в его руке, как доказательство произошедшего, и чтобы удачу не потерять.

И Нэй, гуляя по Орсе, время от времени запускал руки в чужой карман или в чужой кошелек, висевший у зевака на поясе. И как оказалось – это занятие было более трудным, чем просто воровать! Ведь нужно было не просто взять кошелек, а в этом не было ничего сложного для опытного карманника, особенно в толпе, где все толкаются или плотно прижимаются друг к другу, чтобы лучше видеть какое-либо представление, а лишь монетку выудить из него! Но это было полезно для опыта, особенно когда руки сбиваются в кровь от кулачных тренировок. Нэй сам удивлялся, но одно другому не мешало, а даже помогало...

Вот и сегодня, проделывая свой традиционный маршрут от Дома Мелисы до Главной Рыночной площади Орсы, – версты полторы, может быть две – он сумел выудить пару монеток у особо нерасторопных гуляк.

Оба были навеселе. Оба возвращались из Нижнего (Красного) района Орсы. И обоим Нэй помог, подставив плечо, но при этом не забыв обшарить их карманы, ну и что греха таить? И свои карманы проверил тоже. Мало ли что. Вдруг не он, а они его грабят?

Но он ведь не грабил, а так, тренировался.

И первой монеткой утренней тренировки стал медный алыт – пять пенсов. Так, на кружку хорошего пива хватит.

А вторая, можно сказать, улов богатый. Серебряный стронг – редкая двадцатипенсовая монетка. Здесь уже можно полноценно пообедать в недорогом трактире.

Впрочем, он никогда не тратил «заработанные» таким вот образом деньги. Он их приносил Учителю, как приз за удачу, и складывал в специальную кубышку, как говорил Торсен, «на будущее» (где-то Нэй это уже слышал). Поэтому тратил Нэй только то, что выдавал Учитель, тот кошелек был еще полон. И в основном на девчонок Мелисы, но не в том смысле, о котором можно подумать, для этого у него была Райса, просто он любил дарить подарки. Покупал недорогую мелочь – какие-то цепочки, кулончики, еще что-то, причем никого не обделяя. А еще любил как себе, так и девчонкам покупать конфеты. И всякий раз старался что-нибудь экзотическое в Сладком ряду прикупить...

Но путь в Сладкий ряд шел через Оружейные лавки. И Нэй никогда здесь не спешил, оказавшись в окружении оружия, порой останавливался в желании попробовать понравившийся нож или небольшой меч на руку. Любил подергать, потыкать невидимого врага, но никогда ничего не покупал. Школа Учителя не подразумевала под собой никакого оружия. Он говорил, и Нэй ему верил, что хороший боец может и голыми руками совладать с мечником. Ну, например, пыль в глаза пустить. Поэтому Нэй только смотрел.

Но и вокруг смотреть не забывал.

И сегодня Нэй не изменил своей традиции. Подходил к открытым лоткам, здоровался с купцами (шапочно был знаком со многими из них), рассматривал выложенное оружие. Ну, все как обычно для обычного дня.

Он прошел уже четыре или пять лавок, когда его взгляд неожиданно зацепился за один кошелек. Хозяин кошелька расплатился за пару метательных ножей, поэтому Нэй и увидел мешочек, туго набитый монетами.

И не просто мешочек, а его кошелек!

Ну, тот, который у дядюшки Отоя в сундуке лежал!

Конечно, после смерти дядюшки Отоя всякое могло произойти, но Нэй и предположить не мог, что увидит свой кошелек здесь, в Орсе!

Несколько лавок он неотступно следовал за человеком, чтобы еще раз увидеть и убедиться окончательно, что это именно его кошелек.

Ну да. Точно его!

И, конечно, после этого убеждения он недолго раздумывал! И действовал быстро!

Столкнуться в толпе. Взять кошелек. Отвести глаза. И вновь исчезнуть в толпе.

Но когда дело было сделано и Нэй рассмотрел кошелек, то, к своему удивлению, понял, что ошибся он! Обманулся! Вот как так? Явно померещилось! Да, рисунок вышивки очень похож! Но вот тут, возле тесемки, шва нет, дырку штопали, и рисунок хоть и сходен, можно сказать, один в один, но нитки другие и яркие слишком.

Это было не его будущее!

Как же он устал от своего прошлого!

И снова он раздумывал недолго. Конечно же, вернуть!

Да и хозяин кошелька недалеко ушел. Он как раз что-то выбрал в очередной лавке, а при оплате понял, что его кошель куда-то делся. Даже не замечал, как люди продолжали толкать его, не обращая внимание на его проблему.

И как-то совершенно неожиданно кошелек вдруг выпал из одного кармана его куртки. Вот только-только этот карман проверил! И вокруг все по-прежнему, и продавец ничего не заметил. А ему-то чего смотреть? Главное, чтобы клиент расплатился!

А Нэй выбрался на свободное пространство и глубоко задышал. И дрожь по телу.

Вот же придумал приключение на свою голову! Забыл, чем закончился последний кошелек?

И как вдогонку к воспоминаниям...

Рука на плечо!

Нэй замер. Дрожь тут же прошла. В голове лихорадочно заработали мысли. Кто это может быть и чего ждать?

Неужели попался? Увидел кто? Волчары подсуетились?

Все это пролетело за мгновения, потому что через секунду Нэй уже повернулся к хозяину тяжелой руки.

И к своему удивлению он увидел перед собой серого.

Так офицеров и солдат Внутреннего конвоя называли за их серую, блеклую форму, под стать тюремным стенам или пасмурным городам, лишь черные петлицы с желтой эмблемой ВК – кандалы на фоне клетки – да красные ромбы, кубари и шпалы с золотыми пуговицами разбавляли эту серость.

Впрочем, в этом тоже не было ничего необычного. В Орсе располагались казармы Внутреннего Конвоя, все-таки город считался столицей Сиртской долины, со всеми ее секретами, тайнами и каменоломнями. Поэтому Орса была наводнена серыми, и даже в Нижнем районе порой их было море, которое всегда разливалось по четвергам. Четверг так и назывался на Красной улице – Серый день Календаря. Впрочем, платили серые щедро, не обманывали и не извращались.

Но Нэй как-то не замечал раньше, чтобы серые выполняли еще и функции волчар.

Но самое интересное было то, что лицо серого, майора, шпала на петлице, Нэю показалось смутно знакомым. Где-то он это лицо видел, но вспомнить не смог.

Хотя какие тут воспоминания могут быть, когда голова забита совсем другими мыслями? Да и ноги требовалось останавливать, чтобы они не рванули с места в карьер.

Потому что пока грозы не предвиделось, хотя вид у майора был грозным.

И все-таки, где он видел это лицо?

Его, Нэя, этап?

О!

Или сны о прошлом?

Он и забыл, как сюда, в Орсу, добрался. За три года многое стерлось из памяти. А вот сейчас вновь накатило. Вот только как в доме – в пещере Учителя оказался, он так до сих пор и не вспомнил...

А серый довольно бесцеремонно принялся вертеть голову Нэя, прихватив за подбородок. Даже левую щеку потер, где всегда клеймо выжигают преступникам, отправляемым на каторгу (мысль о клейме возникла в голове Нэя мгновенно).

Хмыкнул и, наконец, спросил:

– Как твое имя, сынок?

Непонимание действий майора ставила мальчишку в тупик. Что от него хотят? И видел ли этот человек его недавние подвиги с кошельком?

Но внешне Нэй старался быть спокойным (все-таки уроки Учителя чего-нибудь да стоят) и ответил на вопрос быстро, без какого-либо вранья. Ему здесь еще жить.

– Нэй Вейн.

Вот именно – имя и фамилия, а не вор из какой-то там соты или еще что! Как Учитель умудрился выправить такие документы на Нэя, для него осталось загадкой. Но с момента обретения своего нового имени, точнее, фамилии, которой у него никогда не было, как и дома, он всегда носил с собой лист плотной бумаги, удостоверяющей его личность, со всеми печатями и подписями. Ну, такой документ носили все его обладатели, что подчеркивало их более высокий статус перед не имевшими такой бумаги. Но самое приятное было то, что Нэю очень нравилась его фамилия. Как песня звучала...

– Нэй?

Имя Нэй было именем редким, но не настолько, чтобы подозревать в каких-то делах первого попавшегося парня с таким именем.

Или можно?

– Нэй Вейн? – еще раз повторил Бер (да, это был именно Бер, наконец-то получивший долгожданного майора этой зимой), но уже с фамилией. Казалось, он пробует эти звуки на вкус, пытается ощутить свою память.

– И чем ты занимаешься, Нэй Вейн?

– Учусь.

– Где? – резонный вопрос. Для простой школы Нэй уже явно вырос. Рекрутом тоже не был. Студентом? Хм... Бер еще помнил, как выглядят студенты, не курсанты, а именно студенты, и парень явно не походил на «ботаника», как меж собой военные называли учащихся Общего Университета Аркета. Их даже бить не хотелось, такие они были хлипкие и жалкие на вид. Этот мальчишка явно студентом не был. Ну, и на мага он тоже не похож – арфара нет на руке.

И вообще, с чего вдруг Бер к пареньку привязался-то? Напомнил кого-то?

– У Учителя... – ну да, у кого же еще можно учиться?

– И как зовут учителя?

– Ларс Торсен...

– Хм. Никогда не слышал. И чему тебя учит?

– Грамоте. Наукам. Кулачному бою.

– Кулачному бою? – Бер неожиданно сжал своей огромной ладонью плечевой бицепс парня, а затем руки его осмотрел, сбитые костяшки, хмыкнул. – Тот как-то хилее был, что ли, – мотнул головой: – А живешь где?

– За городом.

– А здесь что делаешь?

Нэй сдержался, чтобы не усмехнуться, или скорее подавил нервный тик. Как на допросе, честное слово:

– Знакомых навещаю, – и тоже чистая правда. Учитель ближе к лету стал разрешать Нэю посещать город на выходные – седру и натиру. Но с условием что, во-первых, всю дорогу от дома до Орсы Нэй будет бежать, не останавливаясь, что туда, что обратно. И, во-вторых, будет выполнять все предписания Учителя по тренировкам.

Нэй в самом начале таких посещений попытался было обмануть Учителя, видимо, из любопытства, то есть не бежал и не тренировался. Но Учитель всего лишь пульс проверил у ученика, и Нэй хорошо получил палкой по пятой точке за обман. Было больно и поучительно. С тех пор, правда, Учитель больше пульс не проверял, но и Нэй больше не обманывал...

Бер собрался еще что-то спросить. В памяти всплыла одна вещь, которую стоило проверить. Но тут...

– Бер! Марн!

Бер выпрямился, оглянулся, попытался рассмотреть, кто его окликнул. Но, к своему удивлению, никого не увидел. Послышалось?

А когда повернулся назад...

Ну, секунд пять прошло, не больше!

Парня рядом не было!

Бер нахмурился, поозирался по сторонам. На руку свою посмотрел, головой мотнул. Быстро пострел бегаёт! Ну, ничего, в следующий раз так просто его не отпустит!

Ему даже в голову не пришло, что парнишка может в церковь забежать! Они как раз встретились рядом со ступеньками церкви Подвижников веры Ката и Бата. А Нэю ведь ничего другого и не оставалось!

Когда произошла заминка и майор отвлекся на зов, Нэй и рванул в церковь. Семь ступенек на одном дыхании, и вот они – двери и холодный придел церкви.

Лбом к стене каменной в попытке успокоиться. Но какое там? Напряжение спало, и Нэя вдруг всего затрясло, как будто он падучей болезнью занедужил.

Минуты две или три он трясся, медленно сползая по стене на пол. И только тут, на еще более холодном полу, немного пришел в себя. С удивлением огляделся, с трудом сообразил, где он находится. И не встал, а как бы прополз по стене вверх, но не вышел из церкви, а наоборот, устремился под ее главные своды.

Подойдя к лотку, на котором служка продавал всевозможную церковную утварь, купил самую большую свечку.

Правда, с покупкой небольшая задержка вышла, руки продолжали трястись, и Нэй никак не мог в кармане куртки выловить монетку для покупки. А когда это сделал, то на прилавок легли альт и стронг. Ну, значит, так тому и быть.

Служка, правда, что-то сказал, но Нэй уже не слушал, он уже двигался к своей цели, к правому, дальнему от входа четверному кресту, выложенному в стене церкви.

У свечницы Нэй снова чуть было не упал, только каменные края чаши, в которой уже горело несколько свечей, и спасли его от падения. Ухватился за камень, выпрямился.

А где свеча?

А, да вот она.

Вздыхнул, зажег свечку от единой лампы, висящей над свечницей, и установил ее в один из свободных подсвечников.

Перекрестился, медленно и с чувством, как никогда до этого.

И почувствовал, как спокойствие разлилось по телу. И как будто кто-то нежный и ласковый подтолкнул.

Ну, смелее! Что ты хочешь? О чем твоя душа болит? Чего желаешь попросить? Или желаешь что услышать?

Нэй еще раз вздохнул. Собрался с силами. Прочитал молитву о спасении души и с просьбой обратился к Скирии Великому.

И почувствовал, как полегчало.

Зарекаться на воровство он не стал, вдруг, для дела нужно будет, ну и чтобы удачу не спугнуть и талант не потерять. Просто попросил, чтобы прошлое все-таки осталось прошлым и в прошлом и не тянуло его назад. Ведь иногда он в кошмарах просыпался – суд снился, и шляпа (шляпа?) или что-то холодное и страшное, он так и не разглядел, что. Какие-то голоса и туман серый. И что-то такое же серое и шипящее.

Но если от снов можно было проснуться, то от жизни куда было бежать? Вот голову потерял от кошеля дурацкого! Зачем нужно будущее, которое тянет в прошлое? И серый этот, встреча с которым испугала Нэя до трясушки, но который явно знал что-то о Нэе такое, что, может, и стоило узнать, но не сейчас!

Нет, не сейчас! Сначала нужно было уйти или даже убежать от прошлого! Уцелеть, устоять в настоящем! И уже затем думать о будущем! И, достигнув этого будущего, хотя Нэй пока

даже не представлял этого, своего будущего, вернуться немного назад и узнать все, что он пытается вспомнить и забыть одновременно.

Нэй даже замер от удивления. Это его мысли?

Твои! Как эхом в голове.

А затем вообще застыл, взгляд свой на свечу устремив.

Потому что свечка взяла да и потухла! Единственная среди десятка рядом горящих!

А дальше...

И нескольких секунд не прошло, может, пару мгновений, как дымок от потухшего пламени вдруг заискрился, блеснул серебром, как молния миниатюрная ударила в фитиль, и свечка вспыхнула, загоревшись вновь!

Нэй слышал о таком, но и подумать не мог, что и его просьбу услышит Скирия Великий!

Услышал!

Вот только было не ясно, к хорошему это или к плохому? Ведь просьбу можно воспринять по-разному и исполнить, как видит это бог, а не человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.